

ЛАМПАДА

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 5 (98) 2014
сентябрь — октябрь

Тема номера:
**МОГУТ ЛИ ПОВРЕДИТЬ
ДУШЕ ЧЕЛОВЕКА
ЕГО ДОБРОДЕТЕЛИ?**

- два неба Петра Задирова
- гений из Фуниковой горы
- Фалины: безразмерная семья

НЕ ДАДИМ УГАСНУТЬ «ЛАМПАДЕ»?

Дорогие подписчики —

читатели и почитатели нашего журнала!

В жизни издания произошли не зависящие от нас изменения, о которых хотим известить вас.

С января 2015 года мы переходим только на редакционную подписку. Мы вынуждены отказаться от услуг подписных агентств из-за роста накладных расходов.

Перекладывать их на подписчиков считаем недопустимым, а полностью нести это бремя нашему Знаменскому храму становится все тяжелее. Поэтому мы и приняли упомянутое решение.

Стоимость редакционной подписки образуют две составляющие — цена собственно журнала (50 рублей) и пересылка, или почтовый тариф (40 рублей). Таким образом, подписка на полугодие составляет 270 рублей. Заметим, что через агентство это будет значительно дороже. К тому же через редакцию можно подписаться с любого номера и в любое время, тогда как у агентства существуют жесткие сроки.

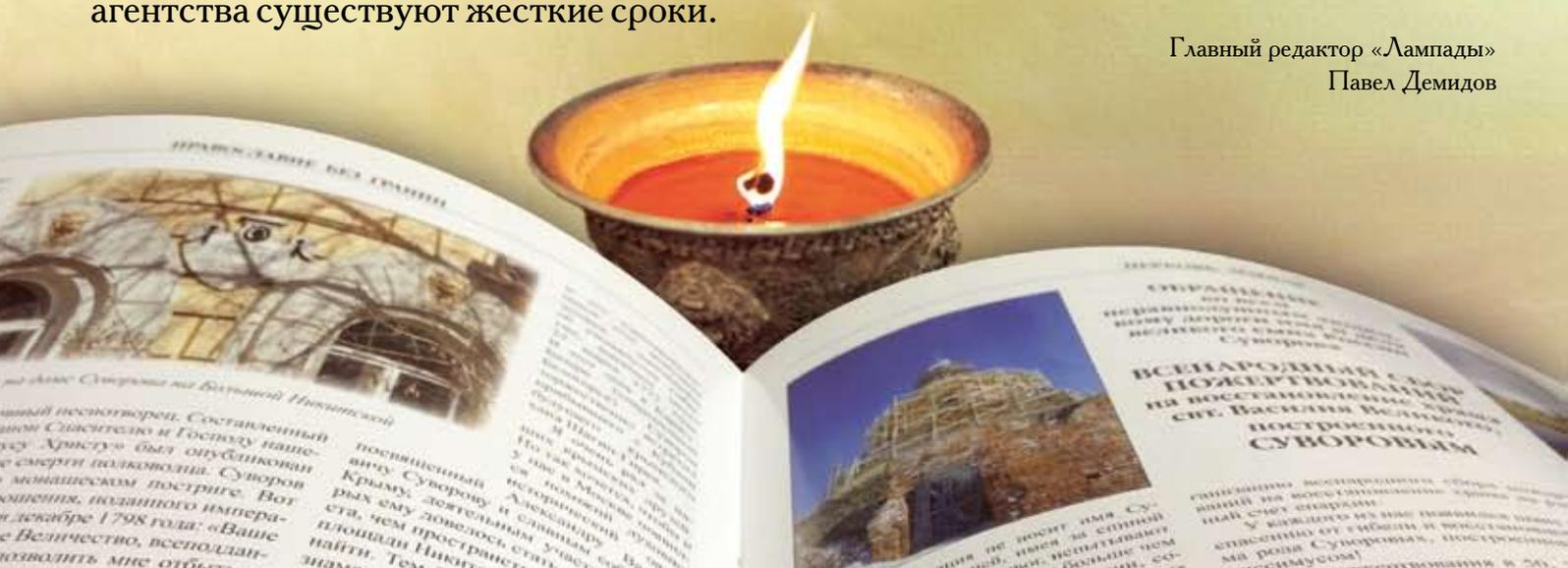
Редакционная подписка существовала у нас все эти годы параллельно с агентской, и читатели, которые пользовались ею, не высказывали никаких нареканий.

Делается это так: вы кладете 270 рублей на мобильный телефон главного редактора — 8-963-962-5575 (Билайн) и отправляете ему SMS с вашим адресом, индексом и фамилией. Редакция высылает вам подписную квитанцию и по мере выхода — сам журнал простой бандеролью.

Мы очень надеемся, что эти незначительные организационные изменения не повлияют на ваше отношение к журналу. Без вас, без вашей любви и поддержки «Лампада» просто угаснет. Храни вас Господь!

С будущего года мы намеряем выпускать и электронную версию. Цена та же, что у бумажной, за минусом расходов на пересылку. Нас можно будет найти на специально созданном сайте журнала.

Главный редактор «Лампады»
Павел Демидов

СОДЕРЖАНИЕ

МОГУТ ЛИ ПОВРЕДИТЬ ДУШЕ ЧЕЛОВЕКА ЕГО ДОБРОДЕТЕЛИ?

Митрополит Климент – Павел Демидов

То, что вершится во славу Божию,
поведет и к нашей славе 4

Лев Амбиндер – Павел Демидов

Отправьте SMS со словом «Добро»
на номер 5541 8

Лариса Беляева

Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... 12

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Александр Трифонов

Вторая жизнь Петра Задинова 14

СТРАНА КРАСОК

Александр Блохин

Цвет России 18

ЛАМПАДКА

Елена Литвяк

Летний сад (окончание) 22

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Архивариус

В годы советской власти 24

Алексей Казаков

Ахтырские ласточки 26

СТРАНА СЛОВ

Монах Лазарь (Афанасьев) – Дмитрий Шеваров

Прерванный путь к духовным вершинам 27

МИР ВОКРУГ НАС

Зоя Ерошок

Соня Шаталова: «Служить Богу...
Может быть, для этого я и живу» 31

Ирина Ушакова

Здесь не запрещают верить в Бога,
и в этом весь секрет 34

Вера Кострова

Как себя самого 36

Александра Федорова

...И по вере твоей пребудет 39

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель

протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор

Павел Демидов

Зам. главного редактора

Лариса Беляева (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: Храм во имя Святой Жи-
воначальной Троицы в Антарктиде.
Фото Руслана Елисеева

Адрес редакции:

125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-963-962-5575

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 05.09.2014

Цена свободная

Издается на добровольные пожертвования

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы

Сбербанк России г. Москвы

ИНН 7712050269

р/с 40703810938080100250

БИК 044525225

к/с 30101810400000000225

КПП 774301001

Отпечатано

в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»

143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактные телефоны:

(495) 745-84-28;

(49638) 2-06-85

Тираж 1200 экз. Заказ № 0470

© Лампада, 2014

То, что вершится во славу Божию, поведет и к нашей славе

Митрополит Калужский и Боровский Климент отвечает на вопросы главного редактора журнала Павла Демидова

– Владыко, тема нашего номера – «Могут ли повредить душе человека его добродетели?». В связи с этим первый вопрос. Возможно ли достичь такого духовного состояния, чтобы, совершая благие дела, не думать о себе с одобрением?

– Совершая добрые дела, человек исполняет заповедь о любви к Богу и к ближнему. Замечательно это выразил авва Дорофей, сказав, что не здоровый, оказывая помощь, благоденствует больному, а больной.

Здесь важно уяснить, что цель совершения добрых дел – развитие в своем сердце любви к ближнему. Поэтому Господь открыто показал, что есть нуждающиеся в нашей помощи, указывая на алчущих, жаждущих, обездоленных, находящихся в трудной жизненной ситуации. Таков промысел о людях: Бог не наказывает, а дает им крест, чтобы те спаслись. У человека, который испытывает нужду или болезнь, перенесение этой скорби развивает терпение и навык благодарить Бога. В сердцах же окружающих должна развиваться любовь.

Я помню, когда мне было семь-восемь лет и мама посылала в храм, она нам давала монетки по 1, 2, 3 копейки. Мы сами не имели излишков, иногда ждали зарплаты отца, чтобы купить хлеб, и при этом мама учила нас подавать нищим. Я ее как-то спросил: «Мам, а что, 1-2 копейки помогут нищенке?». Она ответила: «Главное, человек почувствует твое участие в нем, а ты должен делать это с любовью».

Но здесь есть одно важное условие, которое сформулировал Спаситель: нельзя выставлять напоказ свои добрые дела. Более того, левая рука, по заповеди Христа, не должна знать, что делает правая (Мф. 6:3), то есть надо не обращать внимания на свои благодеяния. Для достижения такого состояния необходима большая работа над собой.

Современный человек сверх меры самолюбив. Это присуще всему обществу, в том числе и людям, считающим себя верующими. Сущность общего эгоизма хорошо изобразил старец Паисий Святогорец. Он ска-

зал, что раньше люди старались тяжелую работу сделать сами, а угощение приберечь до прихода гостей, а теперь наоборот.

Трудно с этим поспорить, не правда ли? Корень беды находится внутри человека, в его понимании смысла жизни. Забота о собственном комфорте – вот на что тратит все силы, средства и время современный человек. Такое умонастроение пришло к нам с Запада. Там оно зародилось и постепенно охватило весь цивилизованный мир.

– Почему наше общество так легко восприняло его?

– Изменили сознание людей утрата веры и православной традиции. Уже не Христос и ближний стали в центре всех устремлений и дел человека, а собственное эго. Вспомните лозунги советского времени: «человек – это звучит гордо», «человек – хозяин вселенной», «все для человека» и им подобные. Человек стал жить не ради спасения своей души, а для устройства рая на земле. Наслаждение земной жизнью стало главной ценностью бытия, а постсоветское время добавило – «бери от жизни все».

– Но, казалось бы, у нас был такой крепкий духовный задел...

– До революции в России любовью к комфорту отличалась, действительно, только некоторая часть общества. В жизни большинства россиян определяющей была вера, и она берегла их от пороков, в том числе от гордыни и эгоизма. Россия больше жила общинной жизнью. На селе вопросы решали «всем миром». Семья устраивалась как домашняя церковь, где отец был старшим и нес ответственность за всех членов семьи. Домочадцы тоже не жили для себя, у каждого, от мала до велика, были свои обязанности в семье, все трудилось на общее благо. Забота друг о друге, сопереживание, молитва объединяли людей. Никто не считал,

что его эксплуатируют. Тратить свои силы, чувства на благо других, поделиться куском хлеба было нормой. Отцы не уклонялись от воспитания детей.

Девальвация веры и нравственных принципов повлияли на жизнь и состояние семьи. Она перестала быть христоцентричной, главенствующее положение теперь занимает материальное благополучие, бытовые условия, потребительская корзина.

Исказилась и семейная иерархия: все труды и внимание членов семьи обращены в первую очередь к детям, к их запросам и зачастую капризам. Раньше в семьях было по семь–десять детей, семейный уклад был направлен на воспитание в них самоограничения, жертвенности, сострадания, взаимопомощи. В советское время семья сократилась до одного-двух детей, и ребенок стал кумиром «ячейки общества». Дедушка, бабушка, родители и даже гости – все обращены к нему и удовлетворяют любое его желание. Машинку? – на тебе машинку, айфон? – на тебе айфон, планшет? – и планшет купим, ты же наше сокровище. Принес из школы двойку – учитель плохой! И растет такой избалованный божок, умеющий только требовать и получать.

– **Возникает замкнутый круг: хочешь угодить ребенку, а ему все мало, и ты лезешь из кожи...**

– Однажды моего знакомого известный в Церкви человек пригласил на день рождения сына, которому исполнилось семь лет. Гость поздравил родителей и подарил мальчику хорошую детскую машину, тысяч за семь–восемь. Ребенок глянул равнодушно и сказал без всякой благодарности: «Отнесите ко всем подаркам». Оказывается, такую машину ему уже подарили. Когда в семье один ребенок, то все стараются ему угодить, и он растет с сознанием, что все должны ему что-то делать, а он умный, хороший и так далее и никому ничем не обязан. Вот откуда зарождается эгоизм в человеке.

Как-то один многолетний священник мне сказал: «Если я вижу непра-

вильно припаркованный автомобиль, который брошен прямо на дороге и мешает всем проехать, то с достаточной большой уверенностью могу сказать, что хозяин этой машины был единственным ребенком у своих родителей». В многодетной семье дети и воспитаны по-другому. Им приходится постоянно считаться с мнением и желаниями своих братьев и сестер, и с юности они усваивают, что надо уважать других.

Эгоизм перечеркивает добродетели. Если человек привык тешить свое «я», то, даже делая добро другим, он будет хвалить себя, испытывать радость от мысли, что поступает хорошо, «по-христиански». Творение добрых дел без любви к ближнему и без смирения приводит к гордыне, от которой и рождается одобрение самого себя. И если такое проявилось, значит, мы еще не научились по-настоящему любить.

– **Так, может, если это не удается, стоит воздерживаться от добродетели, чтобы не разжигать в себе самомнение и гордыню?**

– Повторюсь: неперемное условие спасения человека – это его любовь к ближнему, а она должна иметь внешнее проявление – добрые дела. Помощь другим способствует внутреннему развитию человека. Христос заповедал делиться избытком и даже отдавать последнее, если об этом просит ближний. Казалось бы, проще простого: имеешь две рубашки, так отдай одну тому, кто нуждается в одежде. Но чаще, когда видим потребность ближнего, нам становится жалко расстаться даже с ненужной вещью. А где же любовь к ближнему – к тому, у которого и самого необходимого нет?

Апостол Иаков говорит, что вера без дел мертва (Иак. 2:17). Это значит, что если вера не действует в человеке, не преображает его душу любовью, не изменяет его жизнь, то верующий ничем не отличается от неверующего, в нем не действует благодать. Без добрых дел душа становится «трупоносицей».

Но мы должны помнить, что сами по себе добрые дела – не цель, а всего

лишь средство развития в человеке жертвенной любви, которую заповедал нам Господь. Самомнение и гордыня – это «побочный продукт», следствие поврежденности человеческой души. Если же воздерживаться от добрых дел, то это приведет духовный рост человека в тупик.

– **Но как все же быть, если, совершая доброе дело, даже против воли начинаешь думать о себе?**

– Советую чаще читать Евангелие. Оно способно научить бороться со своими страстями. Необходимо научиться молиться не только по воскресным дням и праздникам, а как можно чаще, перед всяким делом, и особенно когда хотим совершить что-то доброе. Важно также при этом вспомнить, как много грешим сами. Осознание своей греховности в сочетании с верой в то, что, совершая маленькое доброе дело, мы можем сделать его без греха гордыни и самомнения, без внутреннего самолюбования, уже становится началом борьбы с гордостью и тщеславием.

– **А нет ли духовного вреда людям от добрых дел человека, который совершает их из эгоистичных, себялюбивых побуждений?**

– Запомним: лейтмотивом добрых дел должна быть любовь. А дело, совершенное по любви, не может нанести духовного вреда, восстановить против Бога того, кому оно адресовано. Если благодетель превозносится, это может ранить, оскорбить, но не лишит спасения душу благодетельствованного. Опаснее, если нас постигнет отчаяние от безысходности, когда мы пройдем мимо протянутой руки с мыслью, что к нам может прийти тщеславие, если поможем.

Господь заповедал нам делать добро всем людям. Враг же всегда будет смущать своими доводами, в том числе разыгрывать внутри нас и эгоистические побуждения.

– **Возникает вопрос: можно ли считать, что эгоистичный человек, делая добро другим, так выполняет обе заповеди Христа – о любви к себе и к ближнему своему?**

– Надеюсь, вы согласны, что эгоизм – это грех. Все заповеди, по сло-

ву Спасителя, заключены в любви к Богу и ближнему (Мф. 22:37–40). Человек, страдающий эгоизмом, мы уже говорили, лишен такой любви.

Спаситель заповедал любить ближнего, как самого себя. Но это не призыв Христа, что надо любить именно себя; это – констатация состояния человека. В этой заповеди говорится, что надо поступать с ближним так, как желает каждый, чтобы поступали с ним. Простое и глубокое правило христианского поведения: поставить себя на место другого. Из этого, между прочим, следует, что мы должны помочь любому человеку, которому трудно, даже если он стесняется попросить о помощи, но мы знаем о его тяжелом положении.

В доброделании реализуется двуединая заповедь о любви к ближнему и к Богу. В одной притче Спаситель пояснил, что все, что мы делаем другим людям, мы делаем Богу (Мф. 25:35–40). Верующий человек помогает нуждающемуся, ибо тот дан ему Богом. Когда Господь сотворил Адама, Он сказал: «Не хорошо быть человеку одному» и сотворил второго человека, «соответственного ему» (Быт. 2:18) – Еву. В задачу их входила забота друг о друге, то есть дела любви.

Когда мы видим нуждающегося, то должны помнить, что перед нами носитель образа Божия. Если кто страдает от боли, терпит невзгоды в заключении или не имеет самого необходимого, то оказанную ему помощь принимает Сам Христос, Который в Своей земной жизни претерпел все эти лишения и сказал, что «кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, не потеряет награды своей» (Мф. 10:42).

Однако лишиться награды за совершенное доброе дело может отсутствие сердечной чистоты и стремление к этой награде. Именно в этом скрывается опасность для человека эгоистичного.

– *Помню, однажды, беседуя с великим штангистом Юрием Власовым, я спросил, какое из упражнений самое эффективное.*

«Которое ты больше всего не любишь», – ответил он. И у меня вопрос: как можно изжить в себе эгоизм, себялюбие, славолубие? Достаточно ли принуждать себя делать все то, что противоположно этим качествам? Можно надеяться, что со временем придет навык?»

– Никаких особых рецептов не существует. Надо научиться смирению и полюбить ближнего. Это большая духовная работа, и она должна совершаться постоянно. Чтобы победить эгоизм, человеку сначала надо научиться видеть грехи, которые он совершает на каждом шагу, осознавать свою неправоту. При этом не просто замечать свой грех, но не оправдывать себя, искренне хотеть исправиться и просить у Бога помощи.

То, что не под силу человеку, возможно Богу. Для исправления человека от любого порока, в том числе и от эгоизма, ему необходимо содействие благодати Божией. Но нельзя забывать, что Бог даровал каждому человеку личную нравственную свободу выбирать добро или зло. Господь не принуждает, но призывает человека к добру, и как только видит его стремление к добродетельной жизни, Он помогает Своей благодатью. Бог ждет, когда сам человек осознает гибельность ситуации и сам захочет идти по пути исправления.

Борьбу с эгоизмом в своем сердце человек начнет, если откажется все измерять с позиции своего «я», не будет в основу своих добрых дел ставить собственную выгоду, а поможет ближнему в прямом смысле «Христа ради». Посылая нам человека, нуждающегося в помощи, Господь для этого дает нам силы и средства. Чем же тут гордиться?

Вспомните две лепты евангельской вдовы. Ее дар Христос признал самым большим, потому что она отдала не часть избытка, а все, что имела. И это касается не только материального, жадным можно быть не только на деньги. Современный человек не готов тратить себя на сочувствие, делиться с ближним своим временем, отдать часть жизни ради

ближнего (вырастить детей, ухаживать за больной матерью). Для некоторых помочь материально проще, чем уделить время, внимание тому, кто в этом нуждается больше, чем в деньгах. Такой еще не готов к подвигу самоотвержения.

Апостол Павел пишет, что любовь милосердствует, не превозносится, не гордится, не ищет своего (1 Кор. 13:4–5). Верующий человек должен стремиться послужить ближнему, а не превозноситься над ним. Важно приучить себя думать о нуждах других людей и, совершая добро, радоваться за тех, кому смогли помочь, а не задаваться вопросом, что даст это ему самому.

Замечу, что названные в вашем вопросе страсти имеют несколько разный характер. Человек эгоистичный, себялюбивый ищет своей выгоды, думает в основном о себе, а поэтому мало что делает полезного и доброго для других. Серьезные события или испытания в жизни такого человека могут внезапно коснуться его холодного, равнодушного к чужой беде сердца. И он может открыть для себя радость добрых дел, милосердия и самоотверженной любви.

Человек же, склонный к славолубию, тщеславию, наоборот, может активно участвовать в нуждах других людей, но делать это только напоказ, ради самовосхваления. Душа, обуреваемая желанием непрестанного стяжания похвал и почестей, находится в гораздо более опасном положении, поскольку ее может постигнуть разочарование, опустошение и уныние, в худшем случае – отчаяние. Святые отцы предупреждают об опасности тщеславия, сравнивая его с идолопоклонством. Святитель Василий Великий говорит, что «искание славы от людей – доказательство неверия и отчуждения от Бога», а преподобный Антоний Великий сравнивает тщеславие с ржавчиной, разъедающей железо, так эта страсть губительна для человеческого сердца.

Человеку эгоистичному необходимо стараться делать что-то доброе, причем не только по долгу в

отношении близких или родственников, но и дела, которых от него никто не требует и даже не ждет. А славолубивому человеку стоит усердствовать исключительно в тех делах, о которых никто и никогда не узнает. Ему лучше больше времени посвятить внутреннему деланию: покаянию, молитве и сокрушению о своих грехах. Это поможет приобрести правильное духовное устройство. Особенно этому способствуют дни Великого поста, когда все верующие со вниманием произносят слова молитвы преподобного Ефрема Сирина, обращаясь к Господу: «Даруй ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего...».

– *Существует представление, что там, как мы говорим, у них на Западе, особенно в Америке, добродетели больше носят показной, неискренний характер. Откуда такое толкование? Может быть, из зависти? И вообще так ли это?*

– Эти высказывания не совсем правильны. Я бы не говорил так. Там многие искренне участвуют в благотворительности. Даже к незнакомым людям там приняты доброжелательность, приветливость, вежливость, уступчивость. Там, как правило, не обостряют конфликтов. На мой взгляд, это еще и следствие того, что в западных странах не было такого гонения на христианство, как в России. Справедливее признать формальное отношение к доброделанию в сознании западной цивилизации. И дело здесь не в зависти, а в глубокой разнице взглядов на путь, которым человек достигает спасения.

На все западное религиозное мышление большое влияние оказал римский юрицизм. Он вошел в их понимание отношений между Богом и человеком. Католики верят, что страдания Спасителя на кресте полностью уравновесили грехи человечества. Приняв Крещение, человек спасает свою душу. Но каждый совершенный после этого грех требует равноценного удовлетворения – совершение доброго дела или терпение

страдания. Из этих представлений происходит вера в существование чистилища, где после смерти временно находятся крещеные души, имеющие на совести больше грехов, чем добрых дел, «недострадавшие» в жизни. Чистилища можно избежать, принеся в удовлетворение определенную плату – индульгенцию. Так что есть деньги – плати за грехи свои, и нет нужды в добрых делах. А нет денег – совершай дела веры и благочестия: молись, постись, благотвори.

Значительная часть направлений протестантизма считает: человек спасается только верой, а добрые дела являются ее выражением, причем совершение их не влияет на будущее человека. Вера – якобы главное, с чем человек входит в будущую жизнь.

Мы, православные, воспринимаем добрые дела как средство борьбы со страстями, но их одних для этого недостаточно, необходима внутренняя работа над собой – видение своих грехов, покаяние, молитва. В отличие от западных христиан, мы признаем, что Христос избавил людей от рабского исполнения греховных пожеланий и наклонностей, но не уничтожил эти желания и наклонности, порожденные грехом прародителей. Так что человеку трудно сделать бескорыстное доброе дело. Он получает благодатные силы на совершение добрых дел в церковных таинствах. Первое из них – Крещение, в котором человек принимает «горчичное зерно» вечной жизни. Этот дар благодати необходимо возвращать всю жизнь, очищая от страстей свое сердце при содействии благодати Божией, чтобы соединиться со Христом. Главным же таинством, без участия в котором человек перестает быть христианином, является Евхаристия.

– *Если положить на весы с одной стороны содеянные добрые дела, а с другой – эгоизм и себялюбие, их породившие, какая из чаш перетянет?*

– Мы не католики, чтобы уравновешивать. Суд человеческий отлича-

ется от суда Божьего. Мы верим, что Господь, Который «есть Любовь» и в то же время «Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14:6), хочет спасения каждой человеческой души. То есть вечного пребывания с Богом в Его Царстве. Только тот, кто уже в этой жизни приобрел в своем сердце радость единения с Богом, может nasledовать вечную жизнь.

Важно не формальное измерение количества добрых дел и грехов, но внутреннее устройство человека, которое проявляется вовне его отношением к окружающим. «Умоляй Господа о милости и помни закон духовный: какою мерою меряешь – такою и возмерится тебе, – писал замечательный подвижник XX столетия игумен Никон (Воробьев), – всем прости – и тебе простится, ко всем будь милостива – и к тебе будет милостив Господь. Как мы относимся к ближним, так и Господь к нам отнесется в день люта».

– *И последний вопрос, Владыко. Верно ли утверждать, что если человек вершит добрые дела во славу свою, это, конечно же, повредит его душе, а если во славу Божию – то не только не повредит, но спасет ее?*

– Если человек делает добрые дела напоказ, ради себя, чтобы его похвалили, то это очевидно может повредить душе человека. Но если человек делает нечто доброе ради другого человека и исполняя заповедь Божию о любви, то делается это во славу Божию. Бог прославляется жизнью людей, которые любят Его и исполняют Его святыя заповеди (Мф. 5:16). Поэтому истинное доброделание приносит пользу и спасение душе человека, как сказал преподобный Ефрем Сирий: «Всякое предпринятое нами доброе дело да совершается во славу Божию, и тогда оно поведет и к нашей славе. Исполнение заповедей бывает свято только тогда, когда оно совершается с памятью о Господе, со страхом Божьим и по любви к Нему».

– *Благодарю вас, Владыко.*

– Во славу Божию.

Отправьте SMS со словом «Добро» на номер 5541 Президент «Русфонда» Лев Амбиндер – собеседник главного редактора «Лампады» Павла Демидова

– Начну с того, что я – человек неверующий. Носитель марксистско-ленинского наследия. Есть много верующих среди моих друзей, знакомых... Подчас завидую верующим людям. Давайте лучше ваши вопросы.

– **Прежде всего: что вас подвигло на это дело? Чисто интересы бизнеса?..**

– Никакого бизнеса там не было. Я работал специальным корреспондентом при главном редакторе газеты «Коммерсантъ». Перед этим, еще при советской власти, был собкором газеты «Трибуна» в Казани, в это время «Коммерсантъ» создавал корреспондентскую сеть, и газете потребовался там человек. А в октябре 94-го меня забрали в Москву. Мне было тогда пятьдесят лет. – **Сегодня этот возраст считается уже неперспективным.**

– Другие перспективы – другие критерии. Тогда спецкорами были преимущественно мальчишки. А на местах сидели губернаторами люди в основном моего возраста...

– **Бывшие первые секретари обкомов.**

– Именно. С ними контактировать, естественно, сподручней человеку близкой весовой категории.

– **Тот случай, когда возраст не помеха, а подспорье.**

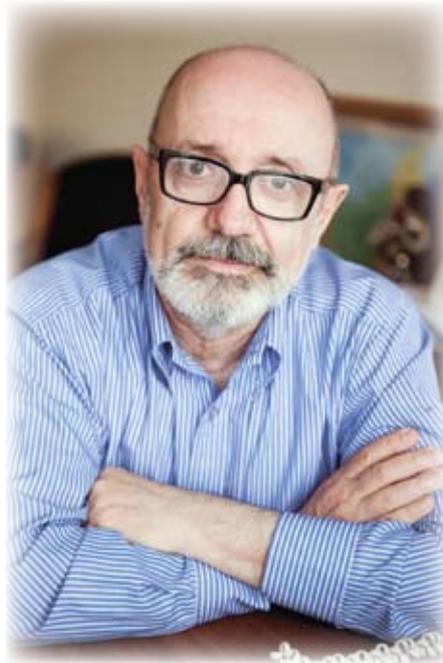
– Будем утешаться этим. Я ездил по стране, писал о людях, которые занимаются настоящим делом, и завидовал им.

– **То есть тяга к конкретному делу была у вас всегда.**

– Я бы сказал, что она поднимала голову, когда я видел созидание. Тогда в стране еще можно было это встретить. И тут очень важный момент. Глава издательского дома «Коммерсантъ» Владимир Яковлев предложил идею...

– **Я знал Володю, когда он еще был у меня практикантом в «Советской России». Но деловая хватка проявилась в нем позже.**

– И, надо сказать, очень выпукло. Его идея была проста. Многие люди обращаются в газету, когда здоровьем их близких угрожает серьезная опас-

ность, а у них нет материальной возможности им помочь. И есть люди, у кого такая возможность есть и они готовы это сделать, если кто-то возьмет на себя техническую сторону вопроса. Этот «кто-то» и есть мы. Газета печатает письма-обращения, и мы таким образом одним помогаем найти помощь, а другим помогаем эту помощь оказать.

– **Иначе говоря, посредники. Не в нынешнем понимании, когда посредник – это чаще всего дорогое и необязательное приложение.**

– К сожалению, сегодня так. У нас ничего такого не было, как нет и сейчас. Это – не коммерческий проект.

– **Честно говоря, не очень укладывается в голове. Само название газеты... Да и Яковлев – прагматик, каких поискать.**

– Наша «прибыль» – дети, которым удалось вернуть здоровье. И взрослые, кому мы помогли в этом поучаствовать. Кстати, наш девиз: «Мы помогаем помогать».

– **А называете себя неверующим! Вера, она не в словах, а в делах.**

– Вообще-то я крещен. Мама и бабушка, они у меня русские, позаботились о моей душе. Так вот. Яковлев мне

предлагает: давай создадим Российский фонд помощи во главе с тобой. Сначала я возражал, потом заколебался, в итоге, как видите, согласился. И знаете, что оказалось решающим? Идея – читатель откликнется на чужую беду не словами, а деньгами. То есть появляется возможность конкретного, результативного дела, а ведь это то, что всегда меня притягивало.

– **Никаких позывов о любви к ближнему не было?**

– Честно говоря – нет. Я, конечно же, понимал, что это благородно и тому подобное, но не хочу кривить душой. Поначалу – только профессиональный азарт. Тогда еще ни одна газета не делала ничего подобного. И вот что принципиально. Мы выстроили схему так, чтобы пожертвования не проходили через нас. Я сказал Яковлеву, что через три месяца, когда налажу дело, – уйду. Он сказал: сам не захочешь. И предложил пари. Мешок воблы.

– **И когда же вы ему ее принесли?**

– Восемнадцать лет назад...

– **В пьесах обычно пишут ремарку: «Пауза».**

– Весь наш сюжет – типичный случай, когда ввязываются в дело, не зная, как оно пойдет и пойдет ли, когда есть только идея.

– **Православные в таких случаях уповают на волю Божию. Может, и вы тоже в глубине души?**

– Право, не знаю. Я опасался, что люди, которые будут откликаться на просьбы о помощи, захотят, чтобы о них писали. Яковлев возразил: наша страна православная, и добро, если будет творить, то – анонимно. За все восемнадцать лет ни одной такой просьбы.

– **Были опасения, что потенциал милосердия иссякнет?**

– И опасения, и сомнения. Поначалу. Но вот что оказалось решительно верным. Наш Фонд – это не только помощь сырым и убогим, но и тем, кто хотел и мог бы этим самым сырым и убогим помочь. Ибо в человеке, я уверен, изначально заложено стремление творить добро...

– Но и зло тоже? Оглянитесь вокруг.

– Это уже отклонение от нормы.

– Как же так? Неверующий человек – и оперирует ветхозаветным понятием о первородном грехе.

– Наверное, интуитивно. Но добро, как любая высокая и тонкая культура, не растет где угодно, это не лопух. Нужны условия. Мы пытаемся их создать. Самое сложное – сочетать почти несочетаемое: на одном полюсе страдание, на другом – сострадание, а между ними материальное воплощение первого – ребенок и второго – деньги со всеми их скользкими соблазнами, врачи, клиники, операции, медикаменты... и все это должно работать безостановочно, потому что каждая пустая минута – это чья-то утерянная жизнь. Простите нечаянный пафос.

– Вероятно, это не единственная сложность?

– Разумеется. Поскольку наш путь к донору – газета, писать нужно было так, чтобы человек, прочитав, не просто посочувствовал, но совершил конкретный шаг – жертву. Попросту говоря, нужно было увлечь читателя своими текстами. Иначе наш фонд просто перестал бы существовать. Ведь у нас нет ни помощи из бюджета, ни грантов – только наши перья и газета. Теперь, правда, еще и Первый канал телевидения, но об этом чуть позже. Мы шли, что называется, ощупью, от задачи к задаче. Сначала мы работали по самой разной тематике. В частности, средства производства для инвалидов, чтобы они могли посылно работать дома. Покупали инвалидные коляски. И, естественно, помогали больным: и взрослым, и детям. Потом пришли к тому, что заниматься нужно не всем, а только здравоохранением. Затем поняли, что это должны быть дети, потом – что только маленькие дети. И не все заболевания, а только особо тяжелые. И что задачи, которые мы ставим перед читателем, должны быть ему по силам. На призыв о помощи, которая стоит тридцать миллионов рублей, трудно ждать отклика. Зачем же тогда вселять пустую надежду? Я говорю, быть может, жестко, но это так.

– Опять же это смыкается с христианской традицией. И Священное Писание, и мудрые старцы предо-

стерегают от непосильных духовных подвигов. Такое впечатление, что ваш фонд – это бизнес-островок обетованной земли в океане доверия.

– Я так и называю – бизнес на доверии. Взаимном. За последние десять лет не было ни одной попытки обмануть нас. Сегодня такое дорогого стоит. На сайте мы все время пишем, сколько собрано с октября 96-го и сколько за текущий год, и эти числа дважды в неделю обновляются. На момент, когда мы с вами беседуем, собран с начала года почти миллиард рублей. Это знак не только отзывчивости, но и доверия.

– Ваш бизнес, насколько я понимаю, не коммерческий, то есть не ставит целью получение прибыли.

– Правильно понимаете. Прибыли как таковой здесь вообще не существует. Есть газета, куда сходятся все нити: больные дети, которых нужно вылечить; их семьи – они получают здорового ребенка; доноры-жертвователи. И есть, уже за рамками газетной полосы, клиники, куда деньги поступают. Вот только для них одних это бизнес.

– Удивительный симбиоз бескорыстной работы и финансовых операций. Без взаимного доверия такое действительно невозможно.

– Был интересный эпизод. Мой киевский друг попросил помочь одному ребенку. Я говорю по телефону отцу, что нужны такие-то документы. И слышу в ответ: «А вдруг вы деньги, которые соберете, не потратите на моего ребенка, а украдете? Или я вам дам копию паспорта, а вы возьмете в кредит стиральную машину?». Папаше двадцать четыре года, а он уже никому не верит. Нас с вами, наверное, обманывали куда больше, хотя бы потому, что мы старше его. Но мы же не потеряли веру в людей! Ты ему объясни, говорю я другу, что по-другому невозможно. Куда собирать деньги? На его карточку? А он их возьмет и пропьет. Вот видишь, ни он тебе не верит, ни ты ему, отвечает мне друг. Но есть же разница: деньги собираю я, и отвечаю перед читателями тоже я, и если они потребуют предъявить им просителя, я должен это сделать.

– И чем все закончилось?

– Через десять дней была собрана вся сумма, даже с лихвой, девочку определили в клинику. Но он так ниче-

го о себе и не сообщил. За 18 лет мы получили тысячи писем. И ни один из авторов не усомнился в нас!

– Этот ребенок из-за рубежа для вас – исключение?

– Исключение – папаша ребенка. Доноры откликаются на просьбы из любого нашего зарубежья так же сердечно, как и на россиян. И с клиниками никаких проблем, что с нашими, что с зарубежными.

– Вы уже сказали, что у вас чисто профессиональный интерес. Но нравственный мотив тоже имеет место?

– Если честно, он – сопровождающий. Нас как воспитывали? Если быть – то быть первым.

– Ради чего?

– Ну... как в песне: «Была бы страна родная...».

– А сейчас ради чего?

– А ради ничего. Не умею я иначе – вот и все. Как-то корреспондент «Ассошиэйтед пресс» заинтересовалась анализом поступлений денег в Фонд до и после дефолта. Ну, я дал ей цифры, она села за компьютер... И приходит ко мне с круглыми глазами: «Я ничего не понимаю! У вас после дефолта сборы стали больше, чем были до него...». Да ради одного этого, ради того, чтобы увидеть, на что способны люди, стоит делать то, что я делаю. В прошлом году мы собрали 1 миллиард 427 миллионов рублей.

– Вам не приходилось слышать, как порой комментируют просьбы о помощи? «Позор! А где государство?».

– Конечно, приходилось. Так говорят те, кто не видит или не хочет видеть душу другого человека. Был занятный эпизод. В 2009 году Европейское отделение Фонда Human Rights Watch решило создать портретную галерею правозащитников из Восточной Европы. Почему-то позвонили и мне. Я отказывался, жена уговаривала: внукам портрет останется. И знаете, на чем мы не сошлись? Они не могли понять, почему я отдаю деньги государственным клиникам. Я говорю: у нас нет частных. Они: вы не можете считаться правозащитником, потому что вы жертвуете государству. А я не вижу ничего плохого в том, что мы вкладываем деньги в государственные клиники, помогаем

им развиваться. Да я к вам и не рвался, отвечаю. Так мне и не пришлось увековечить себя для внуков. Не понимаю, почему частный бизнес должен непременно стоять к государству спиной? В прошлом году, например, с нами работали 729 компаний-доноров.

– **От них и идут основные деньги?**

– Ничего подобного! Основные деньги – это те самые эсэмэски со словом «добро» и ценой в 75 рублей, которые отправляют люди на обращение Первого телеканала. Вы так делали?

– **Бывало.**

– Значит, в нашем Фонде есть и ваши деньги.

– **Слушайте, а как вас занесло в Америку к православному священнику?**

– Поехал за опытом. Не к бабушке, понятно. В редакцию «Нью-Йорк Таймс». Московский корреспондент газеты Софья Кишковская помогла мне подготовиться к поездке и сказала, что ее папа – православный священник на Лонг-Айленде. Отец Леонид очень помог мне там, приставил переводчика, и вообще... Мы с ним теперь большие друзья. За три дня я узнал так много, что идеи меня буквально переполняли. И вот сидим мы, я вздохнул делюсь ими. Бабушка и говорит: «У нас есть маленький благотворительный фонд – помогаем русским детям, нуждающимся в операции. У вас те же операции стоят в четыре-пять раз дешевле. Я даю вам две с половиной тысячи, и они там смогут сделать больше, чем здесь. Остальное вы добываете у себя сами. Получается как бы доленое участие». А я вдруг понял и другое: в помощи должно участвовать как можно больше людей. Не ради денег – ради их самих. Помню, однажды пришел перевод на 70 рублей. Я разыскал радетеля, это был молодой врач, и спросил его: «Вас не смутило, что эти деньги – капля в сравнении со 125 тысячами, которые стоит операция? Чем они могут помочь?». И услышал потрясающее: «Если люди не будут верить в то, что они принесут пользу, вы никогда не соберете никаких денег».

– **В самом деле, интересный ход мысли. Аудиторию ваших читателей, имеются в виду доноры, вы как-то изучаете, работаете с ними?**

– В смысле выжимания из них денег? Нет. Мы их не знаем, и это, если

хотите, наша позиция. Был у нас очень солидный благотворитель. За год перевел восемнадцать миллионов. Интересно же – кто? Он по телефону отвечает: «Андрей, раб Божий. Нет-нет, никаких встреч, никаких интервью». Таких, как он, не много, но все же есть. Однако основные потоки обеспечивают, хочу еще раз подчеркнуть, – так называемые простые люди.

– **Кстати, о потоках. Вы говорите, что все деньги идут, не соприкасаясь с вами: от доноров – в клиники. Возникает вопрос: а на что существуете вы? Ведь у вас девять человек, помещение, оборудование...**

– До кризиса 2008 года нас финансировал «Коммерсантъ». А теперь мы живем по закону о благотворительности, то есть имеем право на 20 процентов от пожертвований. А наша реальная себестоимость – шесть с половиной процентов. Вот, собственно, вся арифметика.

– **То есть вы обходитесь втрое меньшей суммой, чем могли по закону?**

– Нам больше просто не нужно. Это и так гигантские деньги, 98 миллионов. Правда, и объемы работ у нас не слабые. Проверка писем, с которыми к нам обращаются. Не медицинская, а на предмет правдивости. Командировки. Маркетинговая работа. Заключение договоров. Есть еще клиники-партнеры: надо их отбирать. Надо встречаться с главврачами, понять, чем они руководствуются...

– **А это зачем?**

– У них врачебный долг и интересы бизнеса тесно переплетены. И важно понять, что у кого перевешивает. Ведь есть соблазн зависить стоимость операции. Поэтому я приезжаю к главврачу и предлагаю: ты снижаешь цену, а я даю тебе детей. Зато у тебя и работа, и деньги. Звучит, возможно, и прозаично, но и жизнь – это проза, а не поэзия.

– **Я обратил внимание, что и ваши газетные тексты подчеркнута прозаичны, хотя каждый сюжет за душу берет.**

– Нельзя из таких текстов пытаться делать литературу. Это справка, и не более того. Основная масса наших читателей рассуждает как? Вот этот нуждается в помощи – сколько ему перевести? И все. Мы сознательно упро-

щаем заголовки, даем в них суть: «Васе Пупкину нужна операция. Машу Ложкину спасут лекарства». Рабу Божию Андрею этой информации достаточно.

– **Не перестаешь удивляться Божию творению – человеческой душе. С одной стороны, вместилище добродетелей, с другой – неожиданная черствость, равнодушие... Щедрость и скупость, доброта и жестокость... И все может присутствовать в одном человеке. Загадка!**

– Конечно, важно, что ты носишь в себе. Но важнее – что от тебя исходит. Признаюсь: я стараюсь избегать ситуаций, которые вызывают сострадание. Понятно, переживаю, болею за детишек, но за всех вместе, а не за конкретного.

– **Что так?**

– Это будет мешать принимать верное решение. Поэтому я не хожу по палатам, когда приезжаю в клинику. Только беседую с главврачами. Мое сочувствие выражается в числах со многими нулями. Ведь без денег я больному ребенку не нужен. Что ему от моей сентиментальности?

– **А вы вообще сентиментальный человек?**

– Не знаю... С возрастом мы все, наверное, становимся такими...

– **Вы знаете, сколько доноров прошло через вас?**

– Только за три года нам отправили эсэмэски со словом «добро» или со словом «дети» девять миллионов человек. Помножьте это на 75... А если говорить о донорах-читателях, то это 35–45 тысяч ежегодно.

– **То есть вы спокойны за свой денежный конвейер.**

– Как сказать. Появилась серьезная угроза – от социальных сетей. Там много мошенников. А каждый мошенник – это удар по доверию к нам. Конкуренты возникли совсем не с той стороны, откуда надо бы их ждать, – скажем, от других фондов. Я бы сказал, конкуренция морали и антиморали, нравственности и безнравственности.

– **Классическая схватка зла с добром. Как не вспомнить Достоевского: диавол борется с Богом, а поле битвы – сердца людей.**

– И все-таки доминирующая тенденция – в творение блага вовлекается все больше людей. То, что мы сделали с эсэмэсками, буквально взорвало об-

шество. Это был такой восторг! Только за три минуты, пока шло сообщение, было собрано восемь миллионов рублей! Подумайте – каждый получил посильную возможность немедленно сделать доброе дело. Как говорится, не слезая с дивана. У нас школьники появились. Целыми классами перечисляют деньги. Одна наша сотрудница, этническая немка, рассказала, что на Рождество посол устроил прием и в конце обратился к детям: «А теперь достанем свои мобильники, и пусть каждый под Рождество сделает доброе дело – отправит СМС на номер 5541 со словом “добро”, а дома попросите родителей сделать то же самое».

– А какой, кстати, прок от всего этого Первому каналу?

– Делать доброе – это же такая радость! Стоило мне только заикнуться об этом проекте, как меня пригласил тогдашний шеф Кирилл Клейменов, показал пачку наших полос и сказал, что давно мечтал о том же, но не знал, как и с кем. Сегодня по этому пути пошли многие фонды, и это радует. Больше добрых сердец. Больше здоровых детей. Больше счастливых судеб.

– Когда вы что-то делаете, что вам ближе: ощущение «я сделал это!» или дети, которым удалось помочь?

– Скорее, «я сделал это!». Повторюсь: я сознательно ухожу от конкретики: всем помочь невозможно, тогда – кому именно? Это самый сложный выбор.

– Верно ли я понял, что для вас главное – быть нужным и ощущать эту нужность. А кому конкретно – не столь важно?

– Пожалуй. И плюс поправочный, еще с советских времен, коэффициент: работать, не прикидывая в уме, сколько тебе заплатят, а потому, что не работать – значит не жить. Вместе и получается уже известный вам результат. Видимо, две эти составляющие не совпали в Минздраве (еще при Голиковой), когда я сделал им предложение. Подчеркиваю: ничего при этом не прося! У наших клиник огромный потенциал, но об этом в стране мало кто знает. И от министерства нужна была лишь информационная поддержка, все остальное мы брали на себя – сбор средств, поиск клиники и прочее. В ответ в администрацию Президента приходит жалоба

за подписью нынешнего министра, а тогда зама Скворцовой, что мы хотим втянуть Минздрав в сотрудничество с общественными организациями, а это не свойственно его функциям и мешает работе. Помощь больным детям, на которых у государства нет денег, а у нас есть, министерство посчитало чуть ли не вредительством.

– К сожалению, подобных несопадений у нас много. Вы, несмотря ни на что, любите эту работу.

– Абсолютно люблю! Меня спросила одна американка, когда я рассказал ей о нашем житье-бытье: «Зачем вам это?». Я мог ответить только, что живу так. Это – способ жить. Работа страшно интересная. Я помогаю людям, ну, и так далее. Вижу: не понимает.

– Пожалуй, они не в состоянии это понять. Столько поколений выросло в законах свободного рынка. Деньги, деньги... Работать, чтобы жить – или жить, чтобы работать. Это доктринальные противоположности.

– Вот смотрите, отец Леонид, вся его паства... Очень средний класс, очень! Потомственные русские, хотя уже и языка не знают. Но так и не научились делать деньги.

– Они же православные.

– Это звучит как приговор.

– Почему вы начали нашу беседу той фразой?

– Что я неверующий? Мне отец Леонид все время говорил: ты – верующий. Делать такое дело без Бога в душе невозможно.

– Вы не развивали с ним эту тему?

– Да как ее развивать?.. Мама моя – из поволжских крестьян, отец – из западноукраинских. Сами они – типичная городская интеллигенция 30-х годов в первом поколении. Оторвались от корней и, стало быть, от веры. Эталонные советские люди: сказано не верить – будем не верить. Так и я. Но однажды я подумал: а что было бы, если бы я стал верующим? И знаете, что испытал? Огромное чувство радости. Просто обрушилось на меня...

– От чего вы испытали радость – от того, если бы это случилось, или от того, что этого нет?

– Конечно, если бы случилось! Я как будто окунулся во что-то пре-

красное. Я вам первому говорю. Я даже отцу Леониду не говорил об этом.

– Что же стоит на вашем пути к вере?

– Ничего не стоит.

– Тогда в чем дело?

– Не знаю...

– Почему же к вам пришло это чувство радости?

– Понятия не имею!

– А я имею. Это вас Господь к Себе призывал. Вот сейчас я про вас и про вашу веру все узнаю...

Мы договорились, что на последние три вопроса он ответит или по электронной почте, или при новой встрече. Однако не случилось ни того, ни другого. Лев Сергеевич так нагружает себя делом, что вноору вставать на час раньше, чтобы в сутках стало 25 часов. И я решил... ответить за него сам, насколько я его почувствовал и понял. Он же, когда будет читать текст, пусть решит, поставить под ним подпись или нет.

Вот мои вопросы:

– Могут ли повредить душе человека его добродетели?

– Если бы вас спросили: то, чем вы занимаетесь, вы делаете во славу Божию или во славу свою, какой вариант ответа вы бы выбрали?

– Вы сказали, что иногда даже завидуете верующим. Чему и почему?

Вот мои ответы:

– Могут. Если человек слишком много думает о себе.

– Я бы ответил: не знаю.

– Они, наверное, постоянно испытывают радость, которую я почувствовал лишь однажды.

И вот что он сказал, прочитав это:

– В принципе я бы ответил так же.

СКРЕПЫ

*Место не спасает.
От себя никуда не
уйдешь.*

*Преподобный
Никон Оптинский*

Скажите, пожалуйста...

 <p>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</p>	<p><i>Ольга, 28 лет, начальник управления лизинговой компании</i></p>	<p><i>Сергей, 29 лет, рабочий-путеец</i></p>	<p><i>Ольга Геннадьевна Кирьянова, зам. главного редактора газеты «Православная Москва»</i></p>
<p>О чем вы думаете и что чувствуете, сделав доброе дело?</p>			
<p>Способен ли сугубый эгоист на самоотверженный поступок?</p>	<p>Какое-то тепло на сердце, радость, что кому-то помогла.</p>	<p>В первую очередь благодарю Бога за то, что есть возможность сделать добро. Надо пользоваться таким моментом, потому что человек часто сам бессилён. Сделать доброе – для меня это счастье.</p>	<p>Надеюсь, что зачтётся.</p>
<p>Наверное, в каждом есть хоть частица эгоизма и себялюбия. Как можно с этим бороться?</p>	<p>Я считаю, что способен, что нет эгоистов. Просто может быть у человека сегодня такое состояние души, что он не хочет никому помогать. Завтра может что-то резко измениться и он окажется самоотверженнее святого.</p>	<p>Трудно сказать. Не знаю, не могу ответить.</p>	<p>Да, конечно. Много зависит от ситуации, но считаю, что, несомненно, любой человек на это способен.</p>
<p>Полезно ли человеку анализировать не только свои недостатки, но и достоинства?</p>	<p>Есть она, конечно, в каждом, мне кажется, больше от усталости. Надо больше отдыхать, быть с людьми, которые тебе дороги и приносят тебе счастье.</p>	<p>Просить помощи у Бога, надеяться на заступничество Его и стараться отвергаться себя, служить ближнему, чем ты можешь. И малое действие приводит к большому результату.</p>	<p>Осознавать это и стараться что-то делать не для себя, а для других.</p>
<p>Так могут ли повредить душе человека его добродетели? Если да, то в каком случае?</p>	<p>Считаю, что очень полезно и никогда не поздно. Нужно анализировать свои недостатки и свои достоинства, чтобы улучшить в себе хорошее и отказаться от дурного. Это и есть совершенствоваться.</p>	<p>Думаю – да, чтобы духом не падать. Надо с разумом подходить к своим хорошим качествам. Если у тебя есть что-то хорошее и радуешься, какой ты молодец, существует опасность оступиться.</p>	<p>Думаю, нужно смирение, чтобы не возгордиться.</p>
	<p>Добродетели – это мера всего. Но можно дойти до такой глупости, когда начинаешь раздражать своих близких, пусть даже из добрых побуждений. Так же и с добродетелями. Всему должен быть предел.</p>	<p>Понятие добродетели вроде бы несовместимо с понятием вреда душе человека, но то, что он принимает за добродетели, может оказаться душевредным. Так что – могут.</p>	

<p><i>Елена Леонидовна Борисова, 48 лет, продавец-консультант</i></p>	<p><i>Алексей, участник строительства храма Рождества Пресвятой Богородицы в поселке Поварово</i></p>	<p><i>Елена, 52 года, пенсионерка</i></p>	<p><i>Раб Божий Борис, пенсионер</i></p>
			
<p>Я, конечно, радуюсь, но стараюсь поскорее забыть и не думать об этом.</p>	<p>Благодарю Бога. Смирение – главная добродетель, и, если мы не будем смиряться и терпеть, все добродетели будут тщетны как таковые.</p>	<p>Я об этом не думаю. Если Господь подает такую возможность, я с радостью делаю это.</p>	<p>Радуюсь, только и всего.</p>
<p>Думаю, что да. Искра Божия в каждом человеке есть. Если мы говорим, что этот человек сугубый эгоист, то это еще не факт, что он на самом деле такой. В наших глазах он может выглядеть так, а у Бога – по-другому.</p>	<p>Не способен. Эгоизм по определению противодействует Богу. А так как Бог – это любовь, то себялюбие несовместимо с самоотверженностью.</p>	<p>Наверное, бывают такие ситуации, когда даже эгоист способен совершить самоотверженный поступок.</p>	<p>Нет, наверное. Если он сугубый, то вряд ли.</p>
<p>Молиться и смиряться.</p>	<p>Нужно сокрушать себя исповедью перед Богом. Больше ничем не поборешь. Подкреплять себя Причастием, укрепляться и закрепляться в Боге и действовать дальше в любви Божьей.</p>	<p>Тут, на Земле, каждый из нас проходит как бы экзамен и над собой работает, иначе эгоизм и себялюбие никогда не искоренишь в себе. Всегда помнить, что ты ничтожный человек и все в тебе от Господа.</p>	<p>Господа просить о помощи. Только так. Сам человек ничего не может сделать, только с помощью Божьей.</p>
<p>Я думаю, не полезно анализировать свои достоинства, а недостатки – полезно.</p>	<p>Полезно не анализировать свои недостатки, а работать ежеминутно над собой, бороться со своим греховным естеством. А за те достоинства, которые у нас есть, надо благодарить Бога – и точка.</p>	<p>Я думаю, что не полезно анализировать свои достоинства, а недостатки, конечно, нужно анализировать, нужно работать над своими недостатками.</p>	<p>О достоинствах надо просто помалкивать про себя, а недостатки, конечно, надо анализировать.</p>
<p>Если он будет гордиться своими добрыми делами, добродетелями своими, тогда могут повредить.</p>	<p>Нет, не могут. Добродетели от Бога, надо только в них укрепиться, а укрепимся ли мы в них – зависит от милости и благодати Божьей, а не от нас.</p>	<p>Затрудняюсь ответить. Православный человек знает, как бороться с гордостью.</p>	<p>Добродетели даются от Господа. Как они могут повредить, если они от Всевышнего?</p>

Вторая жизнь Петра Задирова

«**О** полярной станции сей и всех живущих в ней и всех полярных станциях Господу помолимся...».

В храме Святой Живоначальной Троицы – Божественная литургия. И так каждое воскресенье, уже десять лет. Эту церковь сложили на Алтае, в селе Кызыл-Озек, из сибирского кедра и лиственницы. Потом разобрали на бревнышки, каждое подписали и морем доставили в Антарктиду, на российскую станцию «Беллинсгаузен». Два месяца храм собирали вручную, а 15 февраля 2004 года владыка Феогност, архиепископ Сергиево-Посадский, совершил его великое освящение.

ПЛАТ МАТЕРИНСКИЙ

...Он падал, сознавая, что этот прыжок может стать последним в его жизни. Сначала отказал основной парашют, и он безуспешно пытался растегнуть заклинившиеся замки. У самой земли удалось открыть запасной, но двух секунд – наполниться куполу воздухом – уже не оставалось. Он упал на край взлетной полосы, в снежный отвал. Если бы на метр в сторону... Это был 1012-й прыжок испытателя Петра Задирова. С тех пор, с зимы 1981-го, он отмечает свой второй день рождения. Впрочем, таких дней в его личном календаре несколько, но тот был первым...

С земли положено снимать кинокамерой каждый испытательный прыжок. И сейчас невозможно без ужаса смотреть те кадры. Врачи неделю обследо-

вали его, шупали, стучали, просвечивали. Работали с Петром и психологи – снимали нервный шок. Наконец, запись в истории болезни: «Сильный ушиб правого бедра при падении с самолета с высоты 800 м». И всё.

– Через некоторое время после того случая, – рассказывает Петр Иванович, – у меня на глазах погиб старый друг Володя Силенков. У него отказали оба парашюта. Каково смотреть снизу и знать, что ничем не можешь помочь... У меня было просто: я знал, что надо делать, и тогда все будет в порядке. Другой вопрос – мог не успеть, но – слава Богу. Испытателю в подобных ситуациях отпущено всего 10–12 секунд: надо не только понять, но и знать, что сделать. Мы должны вер-

нуться на землю и проанализировать отказ: от этого зависит жизнь летчиков, десантников, разведчиков, спасателей, пожарных, да мало ли кого!

...А после гибели друга мне приснился сон. Будто я прыгаю и у меня – отказ. Как у него. И я четко знаю, что погибну. Мне не по себе, и я смотрю, куда же упаду, обо что ударюсь. И вижу накатанную ледяную дорогу от поселка к аэродрому. Жутко, а сделать ничего не могу! Вижу, что дома, деревья становятся все больше и какая-то точка на дороге растет. И вдруг понимаю, что это – человек. Поднял голову вверх и смотрит на меня. По фигуре узнаю маму. Она снимает с себя пуховый платок, расправляет его и выбра-

Бревнышко к бревнышку, номер к номеру – будущий храм

И вот он уже во всей своей студеной красе

сывает перед собою. И я на этот платок падаю! Проснулся и впервые, пожалуй, понял: это ведь матушка моя, Мария Алексеевна, меня спасла! Вера ее не дала мне погибнуть без времени.

Она, простая крестьянка, как и многие, рано потерявшая на войне мужа и моего отца – Ивана Антоновича, молилась всю жизнь за нас, детей. Помню, во времена советские, когда были выборы, она просила меня закрыть ее на замок дома, а самому до вечера где-нибудь поиграть с друзьями. Я не понимал, зачем она это делала. Пришло много позже: она не терпела фальши ни в чем и по-своему лукавила, не желая участвовать в фарсе. Она жила другими ценностями.

Петр Иванович продолжает:

– В середине прошлого века на Оренбуржье было всего два православных прихода. Так что в детстве ни священников, ни церквей я не видел. Но видел деревенских бабушек, которые помнили, как в 1928 году уничтожали деревенский храм. Для них тогда рухнул и привычный уклад: ни похоронить по-людски, ни свадьбу справить, ни окрестить – священников-то расстреляли. И решили они отправлять требы у себя по домам. Потом их за это сослали на Соловки на двенадцать лет. Но вернулись в деревню, кто выжил, и опять за свое. Только этим и жили: работать уже не могли, но и денег за свои «службы» не брали, принимали толь-

ко еду. И я очень хорошо помню, как приходили они в наш дом по вечерам. Мама уже валилась с ног от усталости, она ведь дояркой работала, но когда стучали в окно – «Мария, мы сегодня поминаем, приходи», – она брала меня за руку, и мы шли.

Вера моя в детстве, конечно же, была неосознанной. Я смотрел на маму, ничего не понимал, но крестик носил. А в школе надо было носить галстук. Мама плакала, ничего не говорила. Думаю, молча благословила: иди, сынок, той дорогой, которой можешь, а я за тебя стану молиться. Между тем она никогда не хотела, чтобы я стал летчиком, – отец летал и пострадал во время испытаний. А я был упрямым – трижды поступал в Оренбургское летное училище, да все неудачно. И где этот Бог? – думал я тогда. Только позже понял, что не было мне благословения стать летчиком, а суждено было овладеть профессией парашютиста-испытателя. Начал заниматься в аэроклубе и так увлекся, что через короткое время стал мастером спорта. И получил приглашение работать в научно-исследовательском институте, заниматься разработкой и испытанием парашютных систем. Эта работа стала для меня настоящим счастьем. Воистину – Бог знает, куда ведет человека!

Когда появилась возможность, Петр Задиров построил в родном Новоникольском по проекту известного в православном сообществе архи-

тектора Петра Анисифорова храм в честь Казанской иконы Божией Матери. Позже он спроектировал и храм в Антарктиде.

Мама Петра Ивановича уже нет, но подруги ее приходят на службу и поют на клиросе своим деревенским, казачьим распевом.

НА ДВА ПОЛЮСА

Их было всего пятнадцать человек на весь Советский Союз – испытателей парашютов. Ныне, как полагает Задиров, осталось в профессии не более пяти. Девяностые годы поломали и эту систему. Но некогда могущественный Госгидромет, вдохновленный идеей Задирова и его товарищей, незадолго до распада СССР успел создать компанию «Антекс-Полюс». В мире до того еще никто не занимался доставкой и сбросом грузов на льды, на Северный полюс, транспортировкой их по воздуху на зимовки в Антарктиду. Обслуживали все дрейфующие станции от СП-25 до СП-31, работали и по программе ООН – помогали беженцам в Анголе и Судане. Задиров настолько понравился коллективу, что со временем возглавил компанию. Но настало время, когда и государство не смогло ее содержать: программа исследования высоких широт сокращалась. Компания «Антекс-Полюс» стала частной. Пришлось самим искать заказы, изготавливать необходимое оборудование. Задиров от-

55-я российская антарктическая экспедиция. 2010–2011 годы. Иеромонах Софроний (Кириллов), иеродиакон Палладий (Быстров), пономарь Борис Зацепин и чилийские порлярники на Пасхальной службе

Крещается раб Божий Иоанн

правился в Кейптаун – создавать базу снабжения антарктических станций. Как-то прибыл туда генеральный конструктор КБ им. Миля Сергей Михеев для участия в тендере на закупку палубных вертолетов. Задилов ему здорово помог и в качестве переводчика, и как организатор переговоров и знаток местных порядков и обычаев. На прощальном банкете Михеев произнес тост: «Рядом со мной сидит человек, который вовсе не мой переводчик, а испытатель парашютных систем. У меня на фирме работают четыре летчика-испытателя. И когда я утром приезжаю в КБ, то первым делом захожу к ним и снимаю перед ними шляпу. Потому что они поднимают в воздух машины, которые я нарисовал. А мои ребята-испытатели снимают шляпу перед парашютистом-испытателем. Потому что в воздухе на еще “сырой” машине всякое может случиться».

И тогда у них для спасения остается один шанс – парашют, который испытал он». И Михеев показал на Петра Задилова. А вскоре Петра Ивановича пригласили прочитать лекцию в местном университете. Потом – там же поступить в аспирантуру. Потом – защитил кандидатскую диссертацию. Его сыновья Дмитрий и Александр тоже учились в ЮАР – окончили колледж и университет. Вернулись в Москву, занимаются бизнесом. Отец им не помогает, только, по его выражению, следит за полетом. Пока доволен: «Полет проходит в нормальном, горизонтальном режиме».

ХРАМ В АНТАРКТИДЕ

Было это в 2000 году. К Задилову приехали друзья-полярники на первую

Первое венчание. Ангелина Жулдыбина теперь будет носить фамилию своего мужа Эдуардо Алиага Илабака.

круглую годовщину освящения храма в Новоникольском. И сказали: а почему бы тебе, Петр Иванович, не построить храм в Антарктиде? Ведь там нет православного храма, не совершается литургия, не поминают погибших, а ведь десятки русских людей нашли упокоение на шестом континенте...

Задилов согласился не сразу – еще хорошо помнил, как дался ему этот храм-юбилей в родном Оренбуржье. Решили пойти за благословением к Алексею II. Святейший благословил и посоветовал построить храм в честь Святой Живоначальной Троицы. Петр Иванович стал искать единомышленников. Познакомился с предпринимателем, руководителем компании «Экспедиция» Александром Кравцовым. А у него, как оказалось, родной

брат – священник, который сказал: «Не волнуйтесь, я буду рядом». Ну, раз рядом батюшка, то все будет в порядке.

Святейший издал указ, по которому храм в качестве патриаршего подворья окормляется духовным собором Троице-Сергиевой лавры. Это решило проблемы с таможней. Проблемы с налогами урегулировала дарственная, и теперь в архиве лавры можно найти договор о том, что Петр Задилов безвозмездно передал Троице-Сергиевой обители храм в Антарктиде.

Рассказывают, что во время освящения тучи стояли мрачной стеной. Но с началом литургии они разошлись, и все увидели, как три солнечных луча заиграли на куполе.

Храм сразу стал самой выдающейся достопримечательностью шестого континента и неформальным центром духовной жизни полярников – на службы сюда приезжают зимовщи-

ки с соседних станций других стран: Чили, Аргентины, Южной Кореи, Китая, Уругвая, Польши. И не только православные – двери русского храма открыты для всех. На первое празднование Пасхи всех соседей-полярников пригласили в новый русский храм. И все прибыли – кто морем, кто вездеходами или на вертолетах. Позже для многих это стало традицией – встречать Рождество Христово и Пасху на российской станции.

Для чилийского офицера Эдуардо Алиага Илабака все началось с командировки на свою антарктическую станцию и посещения православного храма. Русская девушка Ангелина, провожая своего отца Игоря Жулдыбина зимовать на самой суровой станции «Восток», загадала, что

когда-нибудь обязательно побывает в Антарктиде. Случилось так, что Эдуардо подружился с отцом Анжелины и в один из отпусков посетил Москву. Так они с Анжелиной встретились, а через год обвенчались в храме Святой Троицы. Это было первое венчание на ледовом континенте. Кажется, чудесный обряд, как и крещение, тоже становится традицией – чуть позже в антарктическом храме обвенчались полярный врач Петр Фомин и его жена Светлана.

В Антарктиде служат либо иеромонахи, либо белое духовенство. Приезжают, как и все остальные полярники, на год – священник и алтарник. Работают на станции наравне со всеми, а по субботам и воскресеньям – служат.

Первым настоятелем храма в 2004 году стал иеромонах Каллистрат (Романенко): «Я до этого зимовал на острове Анзер, одном из островов Соловецкого архипелага в Белом море. А к поездке в Антарктиду отнесся с радостью, можно сказать, с восторгом».

Иеромонах Гавриил (Богачихин) вспоминает свою полярную вахту: «Зимовку в Антарктиде с полным на то основанием можно сравнивать с жизнью в монастыре. Небольшой коллектив, где каждый несет свое послушание – выполняет свою работу. Команда живет по законам полярного братства: хранить мир, не ссориться по мелочам, быть терпеливым к трудностям, к особенностям характеров других. Первая христианская заповедь гласит: “Возлюби Бога”, вторая – “Возлюби ближнего”. Ответственно можно назвать принципы жизни зимовщиков христианскими».

И стоит на студеном берегу Антарктиды храм в честь Святой Жи-

Православные пингвины?

воначальной Троицы, стоит как российский форпост православной веры и надежды.

А у Петра Задинова, как он полагает, продолжается вторая счастливая жизнь – построен третий храм, уже на Валдае, на берегу озера Ужин. Два года назад с младшим сыном Александром совершил прыжок на Северный полюс, а в прошлом, 2013-м, оба прыгнули с вертолета от вершины Эвереста к подножию. Теперь в ближайших планах – прыжок на Южный полюс. И еще – недавно путешественник и священник Федор Конюхов пригласил Задинова консультантом своего очередного дерзкого предприятия – кругосветного облета Земли на воздушном шаре.

Можно не верить в чудеса, но отвергать их возможность, по меньшей

мере, неосмотрительно. Иногда к истинной вере люди приходят, испытавши на себе именно проявление воли Божией.

...Еще и еще раз открываю уникальный фотоальбом «Храм в Антарктиде», любовно и со знанием дела созданный фоторедактором и соавтором проекта Ольгой Стефановой (за плечами – зимовка на шестом континенте), не устаю восхищаться этими мужественными людьми и Промыслом Божиим.

*Александр Трифонов
фото Ольги Стефановой,
Anne Froehlich, Бориса Зацепина,
Василия Котубея, Владимира
Соловьева, Александра Шмидта
и из архива Петра Задинова*

Об авторе. Александр Трифонов – спортсмен и журналист: окончил Омский государственный институт физической культуры и факультет журналистики Уральского университета. Работал в Омске на радио и телевидении, в газетах. Затем сменил профессию и трудился полтора десятка лет на Тюменском Севере – оператором по добыче нефти и газа в одной из крупных нефтяных компаний, одновременно сотрудничая с ведущими сибирскими и московскими СМИ. В Москве, где теперь проживает, работал главным редактором журнала «Нефть России», в спортивном клубе «Роснефть», активно печатался во многих изданиях.

Александр Блохнин

Цвет России

Заголовок этого очерка весьма точен: с одной стороны, он впрямую обозначает тему – историю отечественной цветной фотографии и ее пионера; с другой – настраивает читателя на аллегорическое восприятие текста: еще один светлый ум не прижился в большевистской России. Этот человек – Сергей Михайлович Прокудин-Горский, фотограф и исследователь, чей талант и необыкновенное трудолюбие еще в начале XX века сохранили для истории Российскую Империю почти в шести тысячах цветных дагерротипов невиданного и не только для того времени качества.

На Владимирской земле почему-то приживаются удивительные названия сел и деревень, ведущие счет своей жизни из давних-давних пластов времени. Таковы, например, Верхние Дворики, или Брыковы Горы, или вот малая родина нашего героя – Фуникова Гора. Много веков живет она в русской истории с географией. Не всякий город может похвалиться столь солидным возрастом. Полистать страницы ее летописи – немало интересного можно найти. Одна из них, например, заполнена родовым именем дворян Прокудиных-Горских.

Старинные родословцы сказывают, что Петра Горского, потомка воеводы Куликовской битвы, великий князь Дмитрий Иванович столь тепло приветил за преданность и храбрость, что отдал ему в жены княжну из рода Рюриковичей, Марию, и наделил «вотчиной Гора называемой». Внук Петра имел прозвище «Прокуда», от которого потомки приняли фамилию Прокудиных, с добавлением впоследствии «Горские» (та самая Фуникова Гора!).

Славен род Прокудиных-Горских и Михаилом Ивановичем (1744–1812), одним из первых русских писателей

и драматургов. Но если Михаил Иванович считается «одним из первых», то его правнук и наш герой – Сергей Михайлович – без преувеличения просто первый в своем деле – в цветной фотографии. Не там ли, на родной Владимирщине, где непередаваемой красоты цвета неба, где изгибы рек напоминают зимой белые шеи лебедей, где многообразие зеленого цвета лесов таково, что кажется – так не бывает, где цветущие сады словно сошли с палитры безумного художника, не там ли маленький Сережа Прокудин-Горский дал, еще неосознанно, зарок – сберечь, сохранить, донести до людей все краски родной земли, имя которой Россия. Зарок, который стал делом всей его жизни.

Первое цветное изображение появилось в мире в 1830 году. Оно не очень отличалось от черно-белых снимков, но какие-то основные цвета все же просматривались. Изображение было тусклым, не очень четким, недолговечным, да и вся механика и технология

4

5

6

получения цвета были громоздкими и чрезвычайно трудоемкими. Но, что ни говорите, это все же было новым словом в научно-техническом прогрессе. Должно будет пройти три четверти века, прежде чем цветная дагерротипия, или фотография, заявит о себе всерьез. И заметнее всех прозвучит голос Прокудина-Горского.

Если коротко, Сергей Михайлович изобрел раствор (сенсibilизатор), который делал стеклянные пластины для фотографирования чувствительными ко всему спектру цветов, а не только к трем – синему, зеленому и красному, как было прежде. Это принципиально упростило весь процесс и, главное, сделало цветное изображение правдивым, а не условным.

Не нужно думать, что С.М. Прокудин-Горский сродни лесковскому Левше-самоучке. Он был весьма образованным человеком, педагогом и общественным деятелем, состоял в Императорском Русском географическом, в Императорском Русском техническом и в Русском

фотографическом обществах. Слушал лекции на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета, обучался в Императорской Военно-медицинской академии, изучал живопись в Императорской Академии художеств. Вот лишь некоторые вехи его деятельности:

1889–1891. Проходит практику в фотохимических лабораториях Берлина и Парижа, знакомится с работой известнейших химиков и изобретателей, в частности Адольфа Мите и Эдма Жюля Момене.

1897–1918. Делает доклады о технических результатах своих фотографических исследований Пятому отделу Императорского Русского технического общества (ИРТО).

1898. Выходят первые книги по техническим аспектам фотографии: «О печатании с негативов» и «О фотографировании ручными фотоаппаратами».

1898. Представляет свою работу «О фотографировании падающих звезд (звездных дождей)» в Императорском Русском техническом обществе.

1901. В Санкт-Петербурге открывается собственная «Фотоцинкографическая и фототехническая мастерская».

1903. Публикует работу «Изохроматическое фотографирование ручными фотоаппаратами».

1906. Становится редактором петербургского журнала «Фотограф-любитель» и остается на этой должности до 1909 года. Пишет серию работ о принципах воспроизведения цвета

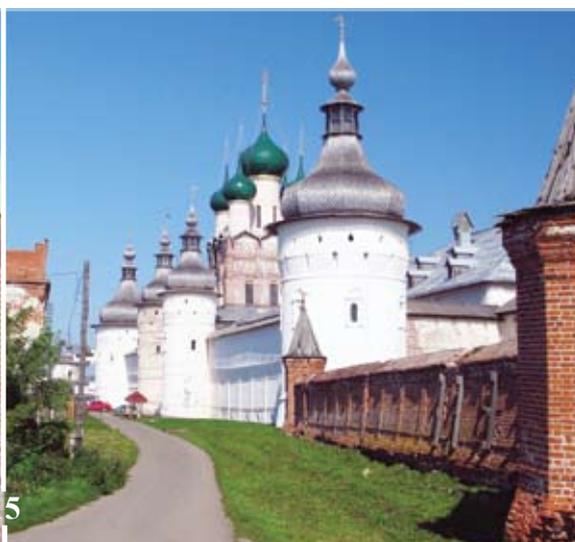
1906. Получает Золотую медаль на Международной выставке в Антверпене и медаль «За лучшую работу» в области цветной фотографии от фотоклуба в Ницце.

1908. Читает лекции с использованием цветных диапозитивов, в том числе и великому князю Михаилу Александровичу, который способствует представлению Прокудина-Горского императору Николаю II.

Май 1909. Николай II приглашает выступить с демонстрацией диапозитивов

15

1. С.М. Прокудин-Горский
2. Три девицы под окном
3. Горожане. Златоуст
4. Эта часовня помнила еще времена Петра I
5. Башкирка в национальном костюме
6. На сборе чая
13. Новоспасский монастырь
14. Тифлис в 1912 году
15. Ростовский кремль. Слева – фото Прокудина-Горского; справа – там же, через сто лет

тивов перед Императорским двором в Царском Селе. Прокудин-Горский получает высочайшую поддержку своему плану провести фотообзор Российской империи.

Последний сюжет оказался для Сергея Михайловича судьбоносным во всех отношениях. Во-первых, не каждому выпадает честь быть принятым императором одной из могущественнейших держав мира. А во-вторых... но об этом чуть позже. Итак, Сергей Михайлович Прокудин-Горский на приеме у Николая II в Царском Селе. Вот как об этом пишет он сам:

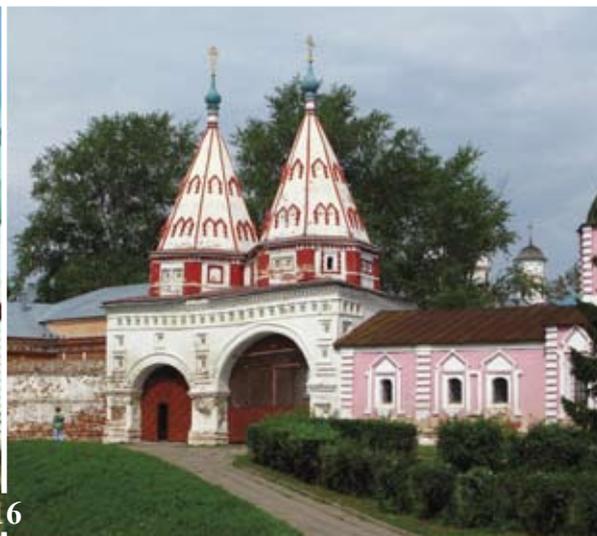
«Наступил самый ответственный момент, ибо я был уверен, что от успеха этого вечера зависела в значительной мере судьба моего дела. Для этой демонстрации были мною выбраны снимки с натуры исключительно этюдно-го характера: закаты, снежные ландшафты, снимки крестьянских детей, цветы, осенние этюды. После первой же картины, когда я услышал одобри- тельный шепот Государя, я уже был

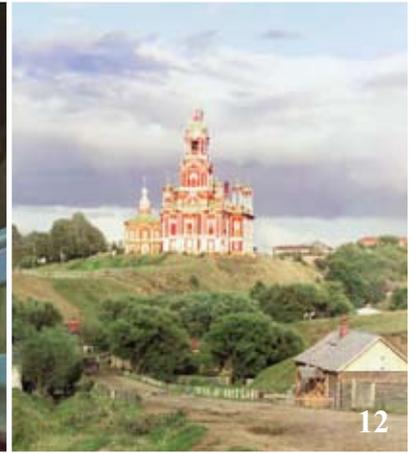
уверен в успехе. Во время перерыва, когда был подан чай с прохладительными напитками, Государь, подойдя ко мне, стал расспрашивать, что я имею в виду делать дальше с этой замечательной работой. Я изложил ему свои взгляды на различные применения. Государь отнесся с большим одобрением к моим словам».

После этой исторической встречи и возник план сделать за десять лет десять тысяч снимков. Сергей Михайлович совершил тысячеверстные поездки, чтобы сфотографировать старинные памятники и храмы, мосты и заводы, виды далеких городов и деревень, быт народов, населявших Россию в ту пору. Эти материалы он хотел использовать прежде всего для целей народного просвещения. Установить в каждом училище проектор и показывать страну подрастающему поколению. Предмет должен был называться «Родиноведение». Осуществить эту задачу помешали Первая мировая война и революция в России.

Однако за шесть лет Сергей Михайлович успел проделать шесть экспедиций, забираясь на восток к Тобольску, на Север к Мурманску и на юг – в Среднюю Азию. Во всех этих поездках прекрасную пользу приносили переоборудованный по разработке самого фотографа новый пульмановский вагон и превосходный легкий пароход «Шексна» с шестнадцатью членами команды, пожалованный ему Государем для работы. Всего до начала Первой мировой войны Прокудин-Горский провел около шести тысяч цветных фотосъемок.

А теперь о том, что стало вторым следствием судьбоносной встречи с Николаем II. Человек православной веры, естественно, крещенный в детстве, не мыслящий себе жизни вне Церкви, о чем свидетельствуют многие его фотографии, Сергей Михайлович был верным подданным Помазанника Божия Государя Императора, то есть сторонником монархии. Но случилось то, что случилось, – октябрь семнад-

цатого. Прокудин-Горский остался в России. У нас нет свидетельств отношения Сергея Михайловича к перевороту, как неизвестно и то, насколько он принял «новый порядок». Можно лишь предполагать, исходя из его поступков. Известно, что поначалу он работал в новых условиях (в частности, продолжал делать доклады о результатах своих исследований, участвовал в создании Высшего института фотографии и фототехники, учрежденного декретом советской власти). Но приходит весть – расстреляна царская семья! И Сергей Михайлович с семьей оставляет Родину. Он не может оставаться в такой стране. Необъяснимо, но это так: ему удается получить разрешение на вывоз части своей коллекции цветных негативов, 2300 штук! (Впоследствии 1903 из них приобрела Библиотека Конгресса США, где они, прекрасно отреставрированные, бережно хранятся).

Поначалу, как многих наших соотечественников, его привлекает Париж.

В 1922 году Прокудины-Горские переезжают в Ниццу. Сергей Михайлович не прекращает заниматься просветительством. Его, к сожалению, ущербная, коллекция пользуется большим успехом как у русских эмигрантов (что так понятно!), так и у французов. Работает он и с родоначальниками кинематографа – знаменитыми братьями Люмьер. В 1937 году ко Всемирной выставке в Париже появляется книга о Франции, которую он создал вместе со своим сыном.

Скончался Сергей Михайлович Прокудин-Горский в Париже спустя несколько недель после освобождения города от немцев войсками союзников. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Было это в сентябре 1944 года, ему только исполнился 81 год.

Память о Прокудине-Горском возвращается на Родину. Очень много для этого сделали бескорыстные почитатели его таланта и заслуг перед Россией. Вячеслав Ратников, хранитель ар-

хива и мастер компьютерной реставрации. Василий Васильевич Дрючин, руководитель сайта «Международный проект “Наследие С.М. Прокудина-Горского”», который даже делал о нем доклад в Библиотеке Конгресса США. Удивительно преданная своему делу стихийный социолог Аня Кондратюк. Я уж не говорю о профессоре Светлане Петровне Гараниной, ведущем специалисте по творчеству Прокудина-Горского, именно благодаря ей забытое имя вновь вернулось в Россию. К сожалению, того же нельзя сказать об уникальной коллекции. Из многих тысяч прокудинских цветных негативов доподлинно известна судьба лишь нескольких тысяч. О части можно предполагать. Иные, возможно, утеряны безвозвратно. Теперь важно, чтобы главным хранителем оставшейся вечности стал музей. Нам удалось восстановить цветное прошлое Отчизны. Необходимо, чтобы оно не пропало в будущем.

7. Команда парохода «Шексна»
8. У порога в храм Божий
9. Троицкий монастырь в Тюмени
10. Путивль, Украина
11. Снято будто сегодня
12. Храмы словно притягивали к себе фотографа
16. Эти два снимка тоже разделяет столетие
17. Так выглядел Тобольск с колокольни Успенского собора
18. Екатеринбург. Вид с Московской горки

Елена Литвяк

Летний сад*

«ДЛЯ ПРИЛИЧНО ОДЕТОЙ ПУБЛИКИ»

Считается, что по дорожкам Летнего сада хотя бы раз в жизни прошел каждый петербуржец. В царствование дочери Петра императрицы Елизаветы Летний сад перестал быть только царским садом. Специальным указом, изданным в мае 1756 года, государыня позволила прогуливаться по саду «прилично одетой публике» по четвергам и воскресеньям. При Екатерине Второй в конце восемнадцатого века классные дамы приводили сюда на прогулку воспитанниц Смольного института благородных девиц, которые чинно, парами прохаживались по аллеям. А в девятнадцатом столетии Летний сад стал традиционным местом встреч многих горожан.

* Наша прогулка заканчивается. А началась она в прошлой «Лампадке».

Александр Сергеевич Пушкин жил неподалеку, у Пантелеймоновского моста через Фонтанку, и, конечно, часто бывал здесь. Он даже написал жене: «Летний сад – мой огород. Я, вставши ото сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, встаю и пишу. Я в нем дома».

Очень любил Летний сад и знаменитый русский баснописец Иван Андреевич Крылов. После его смерти благодарные читатели поставили ему памятник именно там. Окруженный бронзовыми героями своих басен, Крылов сидит на скамеечке и читает, словно никуда и не уходил отсюда. Здесь всегда много детей, которые с удовольствием разглядывают памятник и находят там ворону и лисицу, слона и москью, мартышку и очки.

А однажды в Летнем саду случилось событие, которое чуть не изменило ход русской истории. 4 апреля 1866 года император Александр Второй, как обычно, гулял утром со своей собакой. Вдруг у выхода из сада к нему приблизился неизвестный молодой человек и выстрелил из пистолета, но промахнулся. Полиция арестовала злоумышленника. Им оказался студент Каракозов, террорист-революционер, который хотел убить царя. После этого на некоторое время сад был совсем закрыт для посетителей. Но со временем его ворота снова распахнулись для «прилично одетой публики», и даже утренние прогулки государя возобновились.

САД ПОД ВОДОЙ

Санкт-Петербург был построен на берегу Балтийского моря и часто страдал от его своенравного характера. Весной и осенью море бушевало из-за непогоды, и вода в Неве выходила из берегов, затопляя город. Летний сад многократно оказывался под водой.

Страшное наводнение 1777 года смешало с грязью и переломало садовые деревья. Фонтаны так забило речным илом, что их вообще решили разобрать. А парадную летнюю царскую резиденцию и вовсе перенесли в Царское Село, подальше от строптивой воды. Деревья перестали подстригать, они росли совершенно свободно, без присмотра царских садовников. Тем более что к этому времени в моду вошли

«пейзажные парки», которые больше напоминали лес, чем творение человеческих рук.

Наводнение 1824 года тоже было таким сильным, что оставило свой след не только на стене заброшенного Летнего дворца Петра, но и в русской литературе. Если присмотреться к одной из стен царского владения, станет видно кирпичик, который отличается от всех остальных. На нем есть жирная черта-отметина – вот сюда, до половины высоты окна первого этажа дворца, доходила вода. Взрослому человеку было бы с головой. Поэтому люди передвигались тогда по Петербургу только на лодках. Об этом наводнении и рассказал Пушкин в поэме «Медный всадник», которая вышла из печати через несколько лет. Вода разрушила фонтан «Нептун», устроенный еще при Петре. На его месте итальянский архитектор Карло Росси поставил изящный Кофейный домик, где многие годы располагалась итальянская кофейня-кондитерская. Позже рядом появился еще один павильон – Чайный домик, по проекту французского архитектора Людовика Шарлеманя.

А ровно сто лет спустя, в 1924 году, другой русский поэт – Анна Ахматова – была свидетельницей еще одного наводнения. Разбушевавшаяся вода настолько изуродовала сад, что целых десять лет после этого он был совсем заброшен и открылся снова только незадолго до Великой Отечественной войны. Об этом она написала такие строки:

*Я к розам хочу, в тот
единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой...*

ОСТРОВ ЛЕТНИЙ САД

Петербургцы знают, что их город стоит на нескольких островах, которые соединены друг с другом изящными и прочными мостами. Так вот, Летний сад – тоже остров. С одной стороны его омывает река Мойка, с другой – Фонтанка, с третьей – Нева, с четвертой – узенькая Лебяжья канавка. Кстати, Фонтанка получила такое название именно потому, что отсюда с помощью специальных паровых насосов,

присланных из Англии по повелению Петра, подавали в Летний сад воду для многочисленных фонтанов. А до этого она называлась Безымянный ерик.

Главный вход в Летний сад находится со стороны Невы, с Дворцовой набережной, застроенной великолепными старинными особняками. Один из них – Зимний дворец русских государей, где располагается знаменитый на весь мир Эрмитаж, крупнейший музей искусств в нашей стране. Многие гости Петербурга, как и сами горожане, посетив Эрмитаж, отправляются гулять в Летний сад, расположенный неподалеку.

Парадный вход с набережной украшают узорчатые кованые ворота и знаменитая ограда, сделанная в мастерской архитектора Юрия Фельтена, который жил во время правления императрицы Екатерины Второй. Эта ограда давно стала одним из символов Петербурга вместе с разводными мостами, Медным всадником и золотым корабликом на шпигеле Адмиралтейства. Петербуржцы справедливо гордятся узорчатой оградой, которая будто нарисована тушью умелой рукой художника.

Из поколения в поколение о ней передают легенды, которые очень похожи на правду. Будто бы один состоятельный англичанин отправился на своей яхте в Петербург полюбоваться его красотой и, когда проплывал по Неве мимо решетки Летнего сада, в изумлении бросил якорь и никуда больше плыть не захотел. Так и вернулся домой, сказав, что самое красивое в Петербурге он уже видел. А другая легенда рассказывает о том, как перед Великой Отечественной войной в Летнем саду была на экскурсии группа американцев. И они предложили целую сотню новеньких паровозов в обмен на прекрасную ограду! Понятно, что им отказали: паровозов в мире сотни тысяч, а такая удивительная ограда – одна на весь белый свет.

Есть и другой вход в Летний сад – со стороны Мойки напротив Михайловского замка. Именно здесь встречает посетителей та самая ваза, подаренная шведским королем. А рядом в Карпиевом пруду летом плавают лебеди, вытягивая шеи в ожидании угощения от посетителей.

Оба входа соединяют три самые широкие аллеи Летнего сада: Главная аллея с памятником баснописцу Крылову,

Школьная и Косая. А в глубине парка на берегу Лебяжьей канавки спряталась еще одна – аллея Старых лип, любимое место свиданий петербургских влюбленных.

Почему одна из аллей сада называется Школьной? Неужели в честь тех школьников, которые сбегают сюда с уроков в теплый солнечный день? Нет, конечно. Во время Великой Отечественной войны Школьная аллея спасла жизнь многим детям. Осенью 1941 года Летний сад, как и весь город, называвшийся тогда Ленинградом, оказался в кольце врагов. Началась блокада Ленинграда – 900 дней голода и бомбежек, от которых погибла половина жителей города. Те, кто сумел пережить первую, самую страшную блокадную зиму, остро нуждались в витаминах. И весной 1942 года, едва сошел снег, уцелевшие ученики и учителя близлежащих школ, с трудом удерживая в ослабевших руках лопаты, посадили в Летнем саду лук, морковь и капусту. Так и стала эта прежде безымянная аллея Школьной. Здесь же неподалеку под землей были спрятаны драгоценные мраморные статуи. Школьная аллея до сих пор хранит в себе следы войны – во время работ по благоустройству сада находят немало осколков от фашистских бомб, падавших на Летний сад.

НОВЫЙ СТАРЫЙ ЛЕТНИЙ САД

В 2009 году Летний сад был закрыт на многолетнюю реставрацию. И вот 27 мая 2012 года, в праздник дня рождения города, петербуржцы снова увидели свой самый любимый сад. Теперь он стал таким же, как при Петре Великом, – регулярным парком с прямыми дорожками, фонтанами, подстриженными кустами и садовыми затеями. Заново восстановлен нарядный Парадный партер петровской эпохи у берега Лебяжьей канавки – огромный газон, украшенный клумбами и скульптурами. В середине партера солнечные лучи падают на Коронный фонтан, струи которого напоминают по форме императорскую корону.

За партером открывается длинная зеленая арка из переплетенных веток с французским названием «берсо», где так приятно поесть мороженого в жаркий день. А потом можно пойти посмотреть на Птичий двор с голубятнями и на Менажерийный пруд. Или обследо-

вать остатки старинной гавани, которую совсем недавно обнаружили около Летнего дворца. Известно, что Петр очень любил море и корабли и потому у себя под окнами тоже желал видеть волны. В стену дворца были вделаны крепкие кольца, к которым привязывали лодки, а ступени дворца спускались прямо в воду.

В Летнем саду хорошо в любое время года. По чисто выметенным дорожкам гуляют мамы с детьми и бабушки с внуками. Художники срисовывают статуи, туристы фотографируются рядом с фонтанами. Летом в Аптекарском огороде рядом с Летним дворцом опять, как при Петре Великом, растут настоящие картошка и клубника. А по воскресеньям на Главной аллее военный духовой оркестр играет старинные марши. До встречи в Летнем саду!

В годы советской власти

Итак, в 1991 году храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине был возвращен Русской Православной Церкви. Надо отметить, что произошло это довольно быстро и безболезненно – без таких привычных для российской действительности явлений, как бюрократические проволочки и бесконечное хождение по инстанциям.

В общественной атмосфере того времени витал дух надежды на скорые перемены к лучшему. С ними связывались ожидания перехода к более справедливому и разумному укладу жизни в обновленной стране. Экономически было сложно, но на духовном уровне чувствовалась радость от возвращения к своим историческим корням и религиозным традициям. Многие храмы стали активно восстанавливаться, а их пространство наполнялось верующими, истосковавшимися по соборной молитве.

Россияне не злопамятны – в счастливые моменты своей жизни русский человек быстро забывает плохое. Когда в сильно обветшавшем и полуразрушенном Знаменском храме возобновились богослужения, мало кто вспоминал о том, что еще совсем недавно, практически вчера, в этих церковных стенах царил мерзость запустения.

Сколько скорби и боли причиняет сердцу верующего человека вид запущенного храма! Но еще больше горечи и мук способен вызвать вид храма, используемого не по своему прямому назначению. После вооруженного переворота 1917 года, больше известного под названием «великой октябрьской социалистической революции», в нашей стране произошел глобальный пересмотр всех имущественных отношений, вылившийся в акты национализации и отчуждения в пользу новых властей аристократических дворцов, дворянских и купеческих особняков, усадеб, домов.

Одной из жертв большевистской политики в отношении собственников недвижимости стало имение Ховрино. В границах

его владений как раз стоит Знаменская церковь. Вскоре после революции законных хозяев – Грачевых – изгнали из своего гнезда. Одним махом была перечеркнута многовековая история усадьбы, владельцами которой, начиная с Петровских времен, были представители известнейших фамилий России – Головины, Барятинские, Оболенские, Столыпины, Жемчужниковы, Молчановы. Заслуги последнего в благоустройении Ховрина особенно значительны. В советские годы огромный пруд усадьбы был спущен, парк вырублен и изгажен, гrotы и прочие изящные сооружения погибли, ограда исчезла. С 1947 года в домах усадьбы располагаются корпуса физиотерапевтической больницы. До этого (с 1928 года) там был туберкулезный санаторий, а во время войны – госпиталь (в парке, недалеко от главного дома, находится общая могила трехсот солдат и офицеров).

Насильно отнимать собственность у законных владельцев – слов нет, дело преступное и аморальное. Новая власть ничтоже сумняшеся так же легко подняла руку и вовсе на самое святое – на Церковь. Ведь храм – это дом Божий. Помните евангельский сюжет об изгнании торгующих из храма? «И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, – дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21:12–13). Власти Страны советов совершили еще большее зло – запретили церковную молитвенную жизнь, превратили

храмовые здания в склады, фабрики, лаборатории, тюрьмы, архивы, гаражи, клубы... Что это, как не хула на Духа Святого – грех, который не простится ни в нынешнем, ни в будущем веке, или, как говорит Христос: «Всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку» (Мф. 12:31). А слова апостола Павла из Первого послания Коринфянам (4:17) вообще словно специально для этого случая: «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог». Стоит ли удивляться тому, что страна, чье политическое руководство столь изощренно глумилось над символами и канонами православной веры, то есть фактически заново распинало Господа нашего Иисуса Христа, сама канула в Лету и исчезла с карты мира.

До склада в Знаменской церкви располагалась артель слепых. В храме поставили станки, мозаичный пол залили асфальтом, а искусственный мрамор пропал под синей масляной краской. Артель была устроена в 1939 году, вскоре после закрытия храма. Старожилы помнят, что до войны купола ещё стояли, а затем начался разгром: снесли и купола, и звонницы, сломали три горельефа, сожгли иконы. Уцелели только две из главного иконостаса – образа Спасителя и Богоматери «Знамение», а также образ святителя Николая из нижнего храма – их перенесли в одноименный Аксиньинский храм.

Удивительно, что храм в честь иконы Божией Матери в Ховрине закрыли только в 1939 году. Настоятельные требования разобрать церковь громко звучали еще в 1928-м – эта инициатива исходила от железнодорожников со станции Ховрино. На ее месте они намеревались построить клуб. Хотя это им не удалось, удар все же был нанесен. Сфабриковав донос на о. Константина (отец Константин Виноградов – настоятель Знаменской церкви с 1902 года), власти

В таком виде Знаменский храм вернулся в лоно Церкви

Учитель А.М. Левитский с супругой (еще до рукоположения)

лишили его прихода, а семью выгнали из дома. Чтобы как-то прокормиться, он совершал заказные панихиды на Ваганьковском кладбище. Вместе с другими священниками служил он и на могиле любимого москвичами батюшки Валентина Амфитеатрова, что стало поводом для обвинения о. Константина в контрреволюционной деятельности. В 1932 году он был арестован и отправлен в концлагерь, из которого не вернулся.

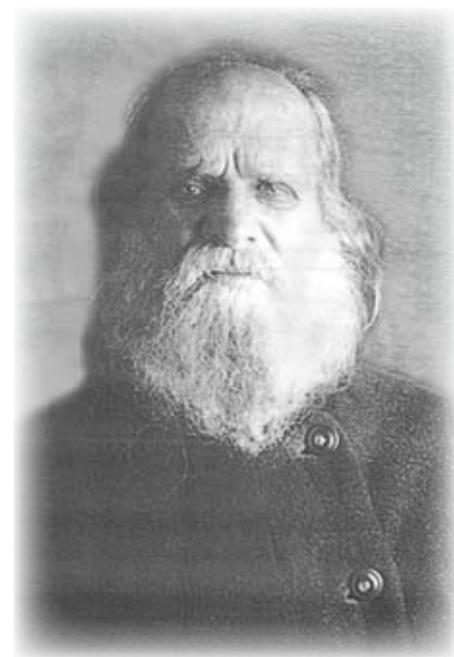
При священнике Николае Касаткине, который тоже был репрессирован, в Ховринском храме часто служил архимандрит Амвросий (Астахов) из Чудова монастыря. Преподобномученик Амвросий (в миру Алексей Аникеевич Астахов) родился в 1860 году в селе Борисовка Лебедянского уезда Тамбовской губернии (ныне Липецкая область) в крестьянской семье. До 1925 года жил в монастыре, а после его закрытия – в разных селах Московской области, в частности в селе Аксиньино Красногорского района, и духовно окормлял монахинь и послушниц Казанского Головинского монастыря. Во многом благодаря усилиям родственников отца Амвросия, живущих сегодня в Липецке и Москве, а также настоятеля сельского храма Казанской иконы Божией Матери в Борисовке иерея Алексея Зудина, крупицы биографических фактов о жизни и христианском подвиге святого стали достоянием православных верующих, интересующихся современной историей Русской Православной Церкви.

Отец Амвросий был необыкновенно светлым, добрым человеком, неутомимым, усердным молитвенником, настоящим подвижником православного благочестия.

Для своих духовных чад Преподобномученик был терпеливым наставником, заботливым пастырем и теплым утешителем. 29 сентября 1937 года его арестовали по делу архиепископа Димитрия (Добросердова) и заключили в Бутырскую тюрьму. В архивах сохранились документы, из которых можно получить представление о религиозных и политических взглядах архимандрита Амвросия: «К советской власти я отношусь враждебно, считаю, что советская власть разрушает храмы, ссылает совершенно безвинное духовенство и верующих. По своим убеждениям я являюсь монархистом, а советскую власть рассматриваю как временное явление. Люди в России, которые по своей глупости свергли царя, сейчас в этом раскаиваются, потому что видят очень много несправедливости от советской власти, чего не было при царе». «Тройка» НКВД по Московской области постановлением от 17 октября 1937 года приговорила архимандрита Амвросия к расстрелу по ст. 58, п. 10–11 за «участие в контрреволюционной группировке и систематической анти-советской агитации». Он прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания на юбилейном архиерейском соборе Русской Православной Церкви, проходившем 13–16 августа 2000 года в Москве. Дни памяти: 8/21 октября, в Соборе новомучеников и исповедников Российских и в Соборе Бутовских новомучеников.

Довелось послужить в Знаменском храме и еще одному священнику, ныне причисленному к лику святых. Речь идет о священномученике Александре Левитском. Отец Александр родился в 1876 году в Москве в семье священника Михаила Ивановича Левитского. По окончании в 1900 году Московской духовной академии Александр Михайлович получил место преподавателя гражданской истории и словесности в Мариинском епархиальном училище, а также русского языка и словесности в Филаретовском женском училище в Москве. 12 марта 1904 года отец Александр был определен на место священника Троицкой церкви, что в Троицкой слободе. Батюшка заведовал церковно-приходской школой при Троицком храме и преподавал там Закон Божий, а позже состоял законоучителем также в 5-й женской гимназии и в мужской гимназии, учрежденной А.В. Адольфом. В 1911 году отец Александр стал членом приходского совета Троицкого храма. В 1917 году батюшку наградили наперсным крестом, в 1921-м – возвели в сан протоиерея. А вскоре его «отметила» и новая власть. Арестом. Но как ни старалась – редкий случай! – ни в чем обвинить не смогла.

В 1924 году отца Александра назначили в Скорбященский храм при Екатерининской больнице, где он прослужил до 1926 года.

Архимандрит Амвросий (Астахов). Фото тюремной поры

Затем его переместили в Преображенскую церковь в Спасском, далее в Знаменский храм села Ховрино Красногорского района, служение в котором оборвалось его арестом в период массовых гонений. Руководствуясь совершенно абсурдными обвинениями, 8 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Александра к смерти, и на следующий же день священник был расстрелян. Протоиерей Александр погребен в общей безвестной могиле на Бутовском полигоне. Постановлением Священного Синода от 27 декабря 2005 года в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века был включен среди других и протоиерей Александр Левитский (дни памяти: 26 сентября / 9 октября и в Соборе Новомучеников)¹.

Такой, полной драматических испытаний и трагических событий, была история Знаменского храма в годы советской власти. Все священники, кто служил в нем при большевиках, были репрессированы, многие погибли. Несмотря ни на что, храм выстоял и стал для нас духовным мостиком, соединившим современную, обновляющуюся Россию с дореволюционной православной Российской Империей. Пристально вглядываясь в бесценные строки на пожелтевших страницах его биографии, мы сможем лучше понять перспективы нашего будущего, если хорошо усвоим уроки прошлого.

К сему: ваш Архивариус

¹ Мозаичные иконы преподобномученика Амвросия (Астахова) и священномученика Александра Левитского были воспроизведены в «Лампаде» №4 за этот год в статье «Симфония камня и смальты».

Ахтырские ласточки

*Памяти моего отца
Юрия Павловича Казакова*

Когда я родился, мой папа купил дом в Абрамцево, в поселке неподалеку от музея-усадьбы Аксаковых и Мамонтовых. Я с детства очень полюбил Абрамцево. Особенно любил, когда мы ездили на машине по окрестностям Абрамцево.

Однажды, летом 1979 года, когда мне было одиннадцать лет, мы с родителями поехали в Ахтырку – бывшее имение князей Трубецких. Дом Трубецких сгорел еще в 1920-е годы, а церковь мы увидели издали – розоватую с белыми колоннами.

Когда мы вышли из машины, я сначала не понял, что это такое. Я даже испугался. Это были руины – руины церкви посреди мирного селения, утопавшего в садах и цветах. Стены потрескались от времени, окна и двери были выломаны, кресты и главы сбиты, на крыше росли деревья и кусты.

Войдя внутрь, мы увидели ужасающую картину. Сквозь дырявую крышу виднелось небо, а посреди храма стоял громадный черный конь, изваянный из гипса. На коне восседал грозного вида всадник, чья голова уходила, казалось, под самый купол. Рука его, сжимавшая нагайку, была занесена для удара. И конь, и всадник были исполосованы вороньим пометом и исцарапаны именами тех, кто

сюда заходил и лазил. Пола не было видно, мы ступали по толстому слою помета, как на вулканических Галапагосских островах. В храме и вокруг храма кружились и оглушительно каркали вороны.

Было страшно. Когда мы выходили, я видел, как папа снял очки и вытирал слезы. В тот хмурый день мы возвращались из Ахтырки с болью в душе. В ушах стояло зловещее карканье ворон над поруганной святыней.

Мы узнали потом, что и эти развалины хотели снести – использовать на щебенку. Но художники из Абрамцево спасли эти бедные стены. Скульптор Сосланбек Тавасиев использовал руины церкви как скульптурную мастерскую. В конце 1960-х годов его памятник Салавату Юлаеву поставили в Уфе, на берегу реки Белой, а гипсовая модель осталась стоять заброшенной.

Спустя десять лет, когда папы уже не было на свете, я на выходные приехал в Абрамцево. В погожее воскресенье я отправился покататься на велосипеде. Доехав до Хотькова, я свернул на дорогу, начинающуюся от кинотеатра. Миновав Аленушкин пруд, я оказался у развилки, где направо был указатель «Ахтырка». Я свернул и, приехав в Ахтырку, увидел церковь в лесах. Внутри не заходил, так как было закрыто, а смотрел на реставрацию фасада.

Вернувшись домой, я рассказал маме, что в Ахтырке идет реставрация, и она очень обрадовалась.

А через год, в майский ясный день, мы пошли в Ахтырку вместе со старинным другом нашей семьи фотографом Анатолием Васильевичем Фирсовым. Мы увидели, что храм еще больше преобразился по сравнению с прошлым годом.

С тех пор я часто ездил в Ахтырку и радовался новым изменениям. Наконец летом 1992 года я увидел действующий храм во имя Ахтырской иконы Божьей Матери. Покрашенный снаружи в розовый цвет, храм стоял торжественный и нарядный. В храме в тот воскресный день было полно народу. Перед иконами теплились лампы, горели свечи. Я подумал тогда: как был бы рад мой папа!

Вокруг храма летали и щебетали ласточки. Они свили свои гнездышки под карнизами колонн и теперь кормили птенцов. А ворон поблизости вовсе не было!

Ласточки – любимые Богом птички, так говорят у нас в народе. И гнезда они вьют там, где живут добрые люди. Тем более они тянутся к церквям и монастырям. Там для них благодать!

«Слава Богу, есть еще птицы...» – писал недавно мудрый старец Фаддей Витовницкий из Сербии.

Алексей Казаков

Монах Лазарь (в миру Виктор Васильевич Афанасьев) – автор 64 книг о русской словесности. Каждый, кто хоть сколько-нибудь глубоко интересовался судьбами русских поэтов, не мог пройти мимо его увлекательнейших исследований о Жуковском, Батюшкове, Лермонтове, Гнедиче, Козлове, Языкове... Многим нашим читателям, несомненно, знакомы очерки и рассказы отца Лазаря об истории Оптиной пустыни. Почти в каждой православной семье дети не расстаются с его сказками – замечательной книгой «Удивительные истории маленького Ежика».

Сегодня мы начинаем цикл бесед с отцом Лазарем о русской словесности и судьбах русских поэтов. Поводом для первой беседы стал 200-летний юбилей Михаила Юрьевича Лермонтова.

Дмитрий Шеваров

Прерванный путь к духовным вершинам

– Когда вам впервые открылся Лермонтов?

– Это было еще до войны. В детгизовской серии «Книга за книгой» попала мне сказка Лермонтова «Ашик-Кериб», мне было шесть лет. Для меня это был целый роман – я читал медленно, глубоко переживая все приключения влюбленного певца.

А в 1945 году, еще до окончания войны, поехал я от московского городского Дома пионеров с детским хором Локтева на Кавказ. Я был просто вне себя от счастья: он был прочно связан у меня с именем Лермонтова!

К хору разрешили присоединить по одному или по два отрока от разных кружков. Они отбирались путем конкурса. Я выиграл в состязании стихотворцев. Нашей студией руководила незабвенная Вера Ивановна Кудряшова. Поезд привез нас в Туапсе, где многие из нас впервые увидели море. Мы едва не опрокинули вагон, когда бросились все к окнам, увидев блистающую голубую даль, сливающуюся с таким же голубым небом...

Шли пешком до Сочи, с остановками на несколько дней в разных местах побережья в палатках. После Сочи и Гагр мы углубились по Старогрузинской военной дороге в Красную Поляну, вдоль реки Мзымты, весьма бурно текущей в глубоком ущелье. Там поставили палатки и совершили подъем на гору Ачишхо. Словом, для меня это был именно лермонтовский поход. Я вел дневник, писал стихи и много думал о поэте.

– В нашем литературоведении почему-то утвердился прокурорский подход к писателям и поэтам. Сегодня, как это ни странно, он заметен и в православных исследованиях творчества того или иного классика. Авторы берут

на себя смелость выносить вердикт о вещах сокровенных, касающихся духовной жизни давно ушедших людей. Одного писателя снисходительно признают православным, произведения другого требуют чуть ли не запретить.

– Раньше такой взгляд на литературу определялся идеологической заданностью: одного поэта отправляли в «чистое искусство», другого упрекали в том, что он не видит социальных противоречий. Сейчас это часто происходит от маловерия. Маловерующий человек стремится надзирать над праведником, чтобы поязвить над ним, уколоть его или обличить.

– И больше всех из поэтов XIX столетия достается Лермонтову. Цитирую одного известного литературоведа: «Лермонтов опускается до глубочайших глубин безверия... гордыня поэта... тяготение к богоборчеству... образ демона в скрытом и явном виде у него едва ли не постоянен...».

– Ну, это какое-то обстругивание полена. Но человек – не полено. О «лермонтовской демонологии» говорят люди, плохо понимающие нашу культуру, в которой православие – основа. На Лермонтова много клеветали с конца девятнадцатого столетия и в начале двадцатого. В эпоху Серебряного века поэта называли предтечей Ницше. Ему приписывали модное тогда «софианство». Нет числа «трудам» литературоведов и даже философов, где поэт отождествляется с демоном. Если собрать все эти статьи о поэте, то получится целая книга о Лермонтове под названием «Демон русской поэзии». А правда в том, что Лермонтов – первый и единственный поэт в Золотом веке русской поэзии, кто так глубоко проник в Православие. Он приник к Богу, но не как раб, а как сын к отцу.

Вот начало одного стихотворения Лермонтова-отрока, обращенное к Богу:

*От страшной жажды песнопенья
Пуškai, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь...*

«Тесный путь спасенья» – это же цитата из классики нашей православной аскетики. В литературе того времени, тем более в поэзии, такого выражения мы более нигде не встретим. А у Лермонтова оно настолько было на слуху, что естественным образом вошло в стихи.

– Удивительно, что он обращается к Богу в тот подростковый период жизни, когда многие отходят от Церкви, от религии вообще.

– Да, сколько я видел отроков, которые алтарничали, в стихарях ходили, выносили свечи, а потом все бросали, бросали без оглядки, а потом больше не возвращались в церковь. А у Лермонтова именно в переходном, как сейчас говорят, возрасте шло развитие веры. Такого не было даже у Пушкина. Тот только к концу жизни стал посещать храм как простой верующий, только начал исполнять свои духовные обязанности. А для Лермонтова все это было важно с детства.

Но и с Пушкиным – тоже нельзя торопиться с выводами. Пушкин – гений. После вихря лицейских и юношеских лет он быстро созрел духовно и умственно. В его произведениях многое связано с Православием. И в Церковь он пришел не просто к службе, к обряду, а как человек, приглашенный Самим Творцом к Его Тайной Вечере.

– Лермонтову православные чаще всего припоминают «Демона».

– Да, его более всего упрекают за эту поэму. Почему-то никто не хочет понять, что «Демон» – это открытый вызов демону, сатане. Современники поэта этого не поняли совершенно. Светские красавицы переписывали монологи Демона и говорили друг другу: «Как красиво, я бы не устояла перед такими признаниями...». А Лермонтов показал страшную силу ложно направленного искусства, способного заставить человека забыть о Боге, пасть в адскую тьму. Не только читательницы, но и литературоведы (и старого, и нового времени) как-то не замечали, что, например, монолог Демона, его клятва, начинается заверением: «Хочу я с небом примириться», продолжается обещанием «И будешь ты царицей мира» (!), а кончается бесовским маскарадом:

*...Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам...*

Лермонтов не обрек свою героиню на вечную погибель, он знал, что у Бога безбрежный океан милости. Несмотря на всю тяжесть ее падения, он – человек – не мог ее осудить. На мытарствах (кратко показанных поэтом) Демон был побежден Ангелом. Лермонтову беззастенчиво приписывали речи персонажей его произведений.

– Печорина многие тоже принимают за alter ego Лермонтова.

– Ни в одном слове Печорина нет Лермонтова. Вот Грушницкий – карикатурный двойник Печорина.

– Тогда самого Лермонтова скорее надо искать в Максиме Максимовиче?

– Да, симпатии Лермонтова, конечно, с ним. В образе Максима Максимовича есть такая деталь: он изучил язык горцев, он старается понять их культуру, обычаи, веру. В отличие от Печорина, которому никто не интересен.

– Где искать истоки духовных прозрений совсем юного еще Лермонтова?

– Они таинственны. И он сам не знал, откуда все это у него. Если говорить о каких-то очевидных вещах, то надо вспомнить, что в Тарханах он посещал церковь Марии Египетской, у него там был духовник. А сколько детей Лермонтов крестил! Он стал крестным отцом очень многих крестьянских детей. Михаил Юрьевич их не просто крестил – он их не забывал никогда. Навещал, делал подарки, в слуги себе брал...

– Получается, что мы не знаем, откуда пришел Лермонтов в наш мир и куда ушел...

– Да, и истоки его очень трудно объяснить, и куда ушел – тоже не знаем. Не

*П.Е. Заболотский.
Портрет М.Ю. Лермонтова. 1837*

ведаем и того, почему он ушел в таком раннем возрасте – в двадцать шесть лет. Но мы знаем, о чем он собирался писать – о Суворове, о 1812 году... Если бы Лермонтов написал роман о Двенадцатом годе, Толстому бы просто нечего было делать. Отчасти так и получилось. Толстой написал «Войну и мир», но допустил столько ошибок, что Норов, Вяземский и другие оставшиеся в живых участники Отечественной войны были возмущены и передали Толстому множество поправок, которые он проигнорировал.

– Все юбилейные даты Лермонтова приходится на трагические годы русской и мировой истории. И чем круглее дата, тем трагичнее события. Столетие со дня рождения – 1914 год, столетие со дня смерти – 1941-й. Ну а на 150-летний юбилей в 1964-м – событие помельче, но тоже драматическое: снятие Хрущева. Как сказала тогда Анна Ахматова: «Узнаю почерк Лермонтова». И вот нынешний 2014-й еще не закончился, а сколько потрясений! Что вы об этом думаете?

– Я считаю, что это совпадения.

– Ну раз совпало, два, три... Но ведь выстраивается зловещая закономерность.

– Мне кажется, это все надуманное, пустое. Это такие лжепророчества. Ведь можно и какие-то личные наблюдения протянуть за уши. Вот меня попросили составить к юбилею сборник со статьями о Лермонтове, я составил. Проходит месяц, два, три. Издатель, человек в высшей степени порядочный, вдруг сообщает мне: я рукопись потерял. А она была в единственном экземпляре. Но стоит ли делать из этого глубокомысленные выводы?..

– До сих пор идут жаркие споры о восьмистишии «Прощай, немытая Россия...».

– Это он не писал точно. А посмотрите, сколько грубых, хулиганских эпиграмм приписывается Пушкину! Но если даже какие-то и написаны им, зачем их печатать из одного собрания сочинений в другое? А пушкинские письма? Александр Сергеевич пишет жене: «Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни...». Так это все давно нарушено. Все его конфиденциальные, очень откровенные письма, касающиеся только двоих, давно напечатаны.

– Нарушена воля поэта в очень важной, очень чувствительной для него сфере?

– Да просто растоптана. Такая же печальная история с письмами Ивана Александровича Гончарова. Он просил: «Пусть письма мои остаются собственностью тех, кому они писаны, и не переходят в другие руки, а потом предадутся уничтожению...». Но вот выходит в прошлом году юбилейное собрание сочинений – и там все письма.

– Наверное, многие не поймут вашу категоричность: ведь речь идет о великом писателе, каждая строчка которого дорога человечеству.

– У меня друг, профессор МГУ, так мне и сказал однажды. Но великий писатель или нет – это же греха не отменяет. Что же получается, если классик, то его можно и попачкать, и повалить в грязь? Ведь человек оставил свою волю – как же ее нарушить?

– Вернемся к Лермонтову. Каким он был офицером?

– Сильным и отважным. Участвовал в кровопролитных сражениях...

– И ни пуля, ни горский кинжал его не коснулись. Казалось бы, Господь имел о Лермонтове особое попечение. Но как объяснить тогда его гибель от руки бывшего товарища? Тут опять какая-то загадка.

– Никакой загадки. В известном фильме Николая Бурляева «Лермонтов» режиссер нагнетает эту загадочность, ходят там какие-то масоны, высматривают, как бы погубить Лермонтова. Ничего этого не было в реальности. Перечитайте «Выхожу один я на дорогу...». Там есть и предчувствие гибели, и смирение перед Богом.

– Быть может, и правда его ждало монашество?

– А монашество его ждало точно. Я в этом убежден. Не было молодого человека, более готового к монашеству. Во всяком случае, на подступах к монашеству я Лермонтова хорошо представляю.

– А какие-то указания на монашеский путь вы увидели в его творчестве?

– У него везде, везде – и в «Демоне», и в «Вадиме», и в «Мцыри» – монастыри. Это ведь не случайно. Мысль о монастыре всегда у него была.

– Кто знает: проживи Лермонтов еще два-три года, он ушел бы в монастырь...

– Ну, не два-три, а побольше бы... Планы-то у него были на много лет, но чтобы их осуществить, нужно было выйти в отставку. Он раз попросился – его не пустили. Отправился на войну. Еще раз попросился в отставку – не пустили. Ведь он чего хотел? Издавать свой толстый литературный журнал и печатать там не стихи, а прозу. Написать исторические романы о Суворове, о 1812 году...

– Зерно этого романа о Двенадцатом годе уже есть в стихотворении «Бородино».

– Да, конечно. Кстати, солдат, который рассказывает о войне, – это же совершенно реальное лицо. Мы можем увидеть его портрет. Лейб-гусарский корнет Лермонтов брал уроки рисования у художника Петра Ефимовича Заболотского, а тот в это время как раз писал портрет старого солдата. Это был унтер-офицер лейб-гвардии Литовского, затем Московского пехотного полка Андреев. Заболотский писал, Андреев рассказывал, Лермонтов слушал и наверняка расспрашивал. Уверен, что Лермонтов уже тогда думал о романе.

Я убежден, что он бы написал эти крупные вещи, и это был бы невероятный прорыв во всей нашей литературе. И совсем бы другой путь был, который мог открыть только он, Лермонтов. Даже Гоголю он оказался не под силу, хотя уж на что православный писатель, каждое его письмо –

проповедь. Причем проповедь искренняя, от всей души...

– Со школьных лет люблю «По небу полуночи ангел летел...» – это так зримо, так ощутимо: звездное небо, ангел... За этим стихотворением стояло какое-то очевидное явление ангела автору?

– Насчет явления – это, конечно, никому неизвестно, но вы правы – оно так мастерски написано. Даже забываешь, что автору всего шестнадцать–семнадцать лет.

– Вот сейчас, с высоты ваших лет и вашего духовного опыта, что у Лермонтова для вас открылось заново?

– Более всего мне открылся «Демон». Раньше я читал его по плоскости и с малым пониманием, потом постепенно углублялся. В итоге я понял, что вне православного духа нельзя понять Лермонтова.

– Получается, что для понимания Лермонтова надо пройти какие-то духовные ступеньки?

– В том-то и дело.

– Вспомним судьбу Врубеля. Он, очевидно, пренебрег этими ступеньками?

– Заблечение его было наследственным, но неверное понимание Лермонтова увлекло его если не в бездну, то в глубокую тень. На некоторые его работы просто опасно смотреть. При этом его художественный метод, эти мазки, как будто вся картина сложена из драгоценных камней, – это исключительно точно по отношению к «Демону». Если посмотреть рукописи Лермонтова, то там видно, как от варианта к варианту речи Демона все более совершенствуются в красоте. Но это красота демоническая. И такая же демоническая бывает сила искусства. Она затягивает, тянет. Это хорошо видно по молодым людям, которые слушают свою любимую музыку, – они не могут от нее оторваться.

– Что можно сказать тем православным, которые осторожно относятся к Лермонтову, опасаясь его читать?

– Наверное, если есть такие опасения, стоит сначала прочитать что-то о Лермонтове. Но это должны быть хорошие книги. Их, увы, немного. Надо хорошо представлять себе эпоху. А это закладывается в школе. Очень важно, чтобы в школе учитель литературы любил свой предмет.

– И чтобы у него была возможность, время и силы передать эту любовь детям. Увы, нынешние реформы образования повлекли за собой удушение литературы и как предмета, и как естественного повода для разговора с детьми о духовном, о высоком, о любви. Горько осознавать, что в существующей структуре школьного образования и при тех тенденциях, которые мы наблюдаем сегодня, цвету великой русской литературы, в том числе и Лермонтову, едва ли найдется подобающее место.

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молло,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далёко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращусь.
1829

* * *

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою моллю душу пустынную,
За душу странника в мире безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

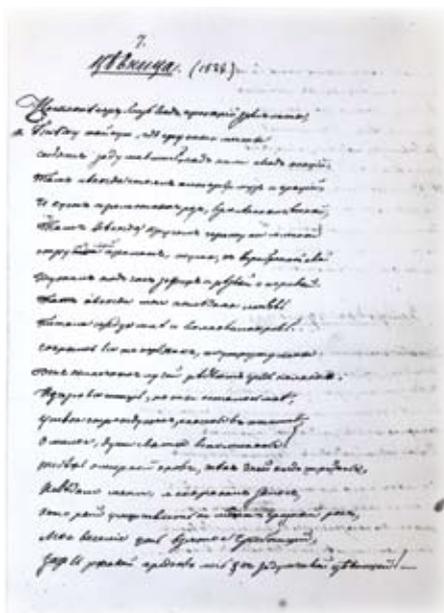
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную –
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.
1837

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

Автограф стихотворения «Цевница»

И долго на свете томила она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.
Поздняя осень 1831

Юношеское стихотворение Лермонтова было написано в память о рано угасшей матери и ее песнях, слышанных поэтом в младенчестве. Опубликовал его через много лет после написания, незадолго до смерти. И как горько, что и это заветное стихотворение – такое, казалось бы, простое и чистое в своей гениальности, – и оно не нашло сочувствия у современников. Белинский даже написал тогда о Лермонтове: «Нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они (стихи «Ангел» и «Узник») не войдут в собрание его сочинений».

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Посвящается А.М.

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветр в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали,
Иль пели песни старины,
Когда листья твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листья?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горячих слез?

Иль, Божьей рати лучший воин,
Он был с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и Божеством?..

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой,
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Рабочий кабинет М.Ю. Лермонтова в Тарханах

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.
Февраль 1837

Это стихотворение Лермонтов написал на квартире Андрея Николаевича Муравьева, автора книги «Путешествие в Иерусалим». По воспоминаниям Э.А. Шан-Гирей, пальмовая ветка была подарена Муравьевым Лермонтову и хранилась у поэта в ящике под стеклом.

* * *

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером или утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...
1837

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...
1839

* * *

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь
блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух
леял,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.
Май–июль 1841

Соня Шаталова: «Служить Богу... Может быть, для этого я и живу»

«Откуда мы знаем, может, они лежат и молятся о нас?!». Я услышала эту фразу от Егора Бероева и Ксении Алферовой, создателей благотворительного фонда «Я есть!», который помогает детям с особенностями развития – больных аутизмом, детским церебральным параличом и синдромом Дауна.

Речь шла о том, что в интернатах для умственно отсталых (или дома) лежат неподвижно в своих кроватках дети, кто-то из них так парализован, что даже мизинцем не может пошевелить, у кого-то совсем нет рук и ног, или они немые, вообще не говорят, только смотрят и все. И вот мама Сони – Женя Шаталова – сказала про этих детей: «Откуда мы знаем, может, они лежат и молятся за нас?!».

Соне Шаталовой двадцать лет. Она рисует и пишет стихи, эссе и сказки. У нее – абсолютная грамотность и фотографическая память: читает не словами, не построчно, а сразу всю страницу и мгновенно все запоминает. В семь лет Соня написала свое первое стихотворение. И с тех пор пишет почти что беспрепятственно. Она ищет выход в мир через слово. Стихотворное и молитвенное.

*Где зарывают свои таланты люди?
В какие тихие места уходит сердца
дрожь?
Видит душа или нет, что беднеет?*

* * *

*Капли дождя все одинаковые,
А дожди очень разные.
Как получается такое чудо?*

А вот это Соня написала в 13 лет:

*Что заставляет уходить в бессмертье
Мельчайшие частицы бытия?
Их разделяют звезды и столетья
И вместе с ними исчезаю я.
Но, исчезая во Вселенской книге,
Я оставляю четкие черты.
И в каждом атоме, и в каждом миге
Меж мной и Вечностью наведены
мосты.*

Соня уверена: Бог каждому, когда посылает в этот мир, говорит: «Трудись и прославляй Меня своими делами». Ее одно мучает: понять бы, что это за дела должны быть... Она думает, что для нее это стихи. Как-то призналась: «Мне невозможно не писать стихи. Иначе я умру от боли. Лопну от напора слов в голову». Она чувствует в словах особую,

очень странную силу. Ту, которая может менять мир.

«Я хочу овладеть этой силой, чтобы она служила Богу. Может быть, для этого я и живу».

*Как звук в словах со смыслом связан?
Тайна известна лишь Богу.
Постичь ее – постичь устройство
мира.*

В детстве Соня решила стать консультантом по мечтам. Она считает это самым важным: способность к мечте, дар мечты, создание мечты. И через это – стремление к совместности.

Из эссе восьмилетней Сони Шаталовой «Мои мечты»:

«Мне можно много: мечтою моделировать миры, молитвой молча миловать (...). Мощью мысли мастерить мгновенно – а может, медленно (...).»

Но я думаю, чтобы мечты сбывались, нужно уметь мечтать правильно. Ведь мечта – это модель желаемого будущего в трех уровнях: первый – в воображении, второй – в желании, а третий – в медленном сшивании событий.

Правильно мечтать – значит правильно учитывать все уже существующие связи себя как мечтающего человека с окружающим миром. И понять, какие нужны новые связи, а затем сшивать события. И все это время надо смотреть, как сшивание влияет на те связи, которые уже есть в мире».

NB! Правильно сшивать события... Молитвой молча миловать...

Господи, нам бы всем на выучку к Соне!

Впрочем, пора мне признаться читателю – нет, не в самом главном, но в очень важном.

У Сони Шаталовой – тяжелая форма аутизма. Она – молчит. В детстве врачи поставили ей диагноз: глубокая умственная отсталость. Диагноз отменили только в Сонины четырнадцать лет. До полутора лет была обычной девочкой, пошла в одиннадцать месяцев, ее речь развивалась, она четко произносила: мама, папа, баба... А сейчас редко-прередко, сверх-редко: только – мама. «Правда, педагоги говорят, что иногда может целой фразой ответить на какой-то вопрос», – вроде бы вскользь, но с вполне уловимой гордостью замечает Женя. Будто хочет с первых минут разговора дать мне понять: не все потеряно.

В полтора года Соне сделали прививку. Тогда казалось: обычную. Может быть, совсем не в прививке дело, а в чем-то другом, объясняет мне Женя, но через сутки все в Соне стало «схлопываться»: ни с кем не хотела контактировать, перестала говорить, не делала ничего из того, о чем ее просили. Врачи официально объявили: «ранний детский аутизм». Женя с мужем были в шоке, в очень тяжелом состоянии. Один профессор сказал Жене, что без нее Соня не проживет и дня. И еще сказал: ищите, кто может ей помочь.

Помогать не брался никто.

В психолого-медико-педагогической комиссии (ПМПК) Жене сказали: «Какие такие консультации? Какие и куда могут быть вам путевки? Сдавайте ее в интернат! Это единственный для вас выход. У нас вообще ничего для аутистов не существует».

Первой откликнулась Галина Кирилловна Торлак, школьный психолог. Она сказала: давайте попробуем. И начала с Соне играть. Четырехлетняя Соня ей поверила и пошла на контакт. Потом Галина Кирилловна станет первой учительницей Сони. И благодаря ей Соне удастся окончить начальную школу, обычную, по месту жительства, в подмосковном Краскове.

Сколько Соню ни пытались научить читать-писать, ничего не получалось. Девочка была официально признана врачами «необучаемой».

И вот Женя отводит семилетнюю Соню в Центр лечебной педагогики. Там одна из форм обучения – «метод глобального чтения»: учат читать не по буквам, а сразу по словам.

И едва началось первое занятие, вышла к Жене в коридор ошеломленная педагог и сказала: учить Соню читать не надо, она уже читает. Через два месяца так же неожиданно выяснилось, что Соня

и пишет. А сама она потом объяснит маме, что умела читать и писать всегда.

Когда Соне исполнилось восемь лет, она (с подачи поэта Виктора Кротова) принялась придумывать «афоризмы-определения». То есть заново обозначать слова.

Словарь получился длинный. Более сотни слов. Я выбрала семнадцать.

1. Азарт – такое увлечение, когда ничем другим заниматься невозможно, пока силы есть.

2. Бабочка – главная примета летнего счастья.

3. Ветер – воздух, который не любит покоя.

4. Душа – это пустота в человеке, которую он заполняет Богом или сатаной.

5. Игра – взаправдашняя понарошность.

6. Импровизация – игра воображения со словами, звуками, красками, чтобы быстро получилось что-то новое.

7. Кошка – уютный символ независимости.

8. Маска – лицо одного выражения.

9. Музей – консервы времени.

10. Мысль – самая мощная после любви сила в мире.

11. Ночь – черный зонтик со звездами.

12. Скобки – это стенки для слов.

13. Спираль – застывшая в танце прямая.

14. Стол – площадь, на которой разгрызается жизнь тарелок и всего остального, что на нем оказывается.

15. Ураган – сошедший с ума ветер.

16. Ухо – ловушка для звуков.

17. Шар – куб без углов и ребер.

Женя говорит мне, что в Бога Соня верила всегда. А вот страх перед посещением церкви у нее был. «Для аутиста и три человека – непереносимая толпа, – объясняет Женя. – А когда в церкви много народу, Соня начинала кричать, пугаться». Они долго искали церковь, которая бы приняла Соню. Получилось не сразу. Были такие священники, которые говорили Жене о Соне: «Пусть сначала научится себя вести». Они не понимали Сонино состояние, ее страдания.

До пяти Сониных лет к ним домой, в Подмоскowie, приезжал отец Владимир Лапшин.

«Приезжал из Москвы, – рассказывает Женя, – будучи очень больным человеком, преодолевал дорогу, свое плохое самочувствие, но учил Соню причащаться, очень много для нее сделал». А когда отец Владимир Лапшин из-за болезни уже совсем не смог приезжать, появился отец Александр Осипов из храма Петра и Павла, что в Малаховке. Батюшка очень тихо, очень аккуратно, очень нежно, очень бережно и очень ласково вводил Соню в церковь, и она постигала церковную жизнь, и уходил страх.

А в деревне Давыдово Ярославской области отец Владимир Климзо организовывает православные летние лагеря для детей с особенностями в развитии, и там Соня посещает все службы.

А в больницы, куда неоднократно в детстве попадала Соня, к ней постоянно ходил отец Александр Ильяшенко.

«Соня и нас с мужем привела в церковь, – говорит Женя. – То есть мы ходили, но знаете как? – время от времени, редко, иногда. А теперь – благодаря Соне – церковь стала очень существенной, очень важной частью нашей жизни».

*Снег пушистый, чистый-чистый,
Ты всю грязь укрыл и спрятал.
Грязь земли и грязь людей.
Души нам укрой скорей!
Только грязь душевную
Не скрывать завесой белой.
Эту грязь огонь лишь счищает,
Огонь любви Иисуса к нам.*

После школы было очень трудно. Что-то вдруг оборвалось. Состояние Сони ухудшалось.

«Колледж не получился. Соня не потянула. Чисто физически не потянула, – объясняет Женя. – Возбуждение, агрессия в ней нарастали. А потом оказалось, что все связано с нейровирусом. Взорвался этот вирус прошлым летом. А поселился в голове Сони, судя по всему, гораздо раньше и “съедал” ее мозг».

Официальный диагноз: «органическое поражение мозга смешанного генеза». С полгода, наверное, все развивалось, но поначалу скрыто, без симптомов. «Скорее всего, от перенапряжения все случилось. Сначала мы никак не могли ничего понять. Соня кричит, не идет на контакт, потеряла способность реагировать... Потом ей все хуже и хуже. Вызвали “скорую”. Отвезли в больницу. А там врач нам сказал: “Мне неинтересно, что произошло. Да и неважно это. Я вижу симптомы – лечу”». А лечили абсолютно неправильно. Просто кололи сильными лекарствами. Женя забрала Соню из той больницы через три дня.

В отчаянии написала в Интернете о том, что происходит с Соней. Взмолилась о помощи.

Первыми откликнулись Егор Бероев и Ксения Алферова. На тот момент совсем незнакомые. Они оплатили первые десять дней пребывания Сони в клинике «Психическое здоровье». Это в Наро-Фоминском районе Московской области. Владелец клиники, профессор-психиатр Виталий Леонидович Минутко, и лечащий врач Сони Александр Сергеевич Токарев спасли Соню. А двадцать дней профессор Минутко лечил ее совершенно бесплатно.

Кстати, о деньгах

Пенсия Евгении Николаевны Шаталовой – шесть тысяч рублей. Отец Сони – Владимир Константинович Шаталов – работает в НИИ. Получает 21 тысячу рублей. Денег папы хватает только на еду и лекарства. Это без Сониной диеты. И если при этом у Сони нет обострений. На лекарства Сони уходит от 8 до 30 тысяч в месяц. Но это если без каких-то серьезных проблем с иммунитетом. Сониная пенсия по инвалидности – а она инвалид 1-й группы – 12 тысяч рублей. «Сониная пенсия уходит на коммуналку, – говорит Женя. – У нас двухкомнатная квартира в Краскове, 42 кв.м. Это общая площадь. Прописано четыре человека, мы вдвоем и старшая дочь».

Одна поездка на такси из Краскова в Москву обходится от двух до трех с половиной тысяч рублей. (Почему такси? Опять же потому, что для аутиста и три человека – толпа, и в переполненном автобусе Соня начинает задыхаться, кричать. Пассажиры орут на Женю: «В клетке таких возить надо». Водители – тоже во все горло – на Женю и Соню: «Выходите из автобуса – или никуда не поедем»).

Если у Сони нет обострений, то в неделю они с мамой выезжают из дома по три раза. Поездки в Москву – это обычно «Солнечный мир» (работа по нормализации восприятия окружающего мира, улучша-

ются слух, зрение), на танцевдвигательную терапию и канестерапию (лечебная, с собаками). На занятия в «Солнечном мире» в месяц уходит от 12 до 16 тысяч рублей. (Но в этом году Соне разрешили там заниматься бесплатно). Одно занятие танцевдвигательной терапией – 1,5 тысячи рублей. «Все это очень важно. Это моторика. Владение телом. Выражение себя через тело. Уходят комплексы», – рассказывает Женя.

Тьютор – 300 рублей в час. Тьютор – это социальный педагог. И он нужен часов на семь. «Нет, не каждый день, Соня не имеет возможностей Абрамовича», – улыбается Женя.

Сегодня тьютор у Сони – Людмила Александровна Штапова. Соня ее любит. Соня все про свой аутизм знает.

*Мне надо сказать так много!
Кто думает, что золото – в молчанье?
Камнем загорожена дорога
Словам из сердца – ну, не печально?
Это «золото» – такое давящее.
Оно скалой легло мне на грудь.
В прошлой жизни я была говорящая.
Как свободу словам мне вернуть?
(8 лет)*

* * *

*(...) Немая, неумелая,
От мира за стеной,
Зовется аутизмом
Недуг проклятый мой.
(...)
Ведь дорогая
Цена безмолвья.
Боже, дай слова!
(8 лет)*

Так вот: возвращаясь к той Жениной фразе о неподвижных и немых детях-инвалидах. Когда я спросила Женю, почему она сказала о них – «Откуда мы знаем, может, они лежат и молятся за нас?», – Женя вот что мне рассказала:

– Я знала такого ребенка. Он светился. И не только светился, а в глазах у него было небо.

– Небо? – глупо переспрашиваю я.

– Ну, да, небо, – терпеливо объясняет мне Женя. – Только не это, голубое, а То... – И, помолчав: – Как он изменялся, когда видел икону! Это молитвенное сосредоточение ни с чем не спутаешь. Он молился на такой, наверное, глубине, где язык не имеет значения. В нем была какая-то абсолютная собранность, несмотря на абсолютную его неподвижность. Раз стоит увидеть – и все поймешь. Боже, сколько людей он успел отмолить, которые и не догадываются об этом. Этот мальчик был сыном наших друзей. Он умер в шесть с половиной лет. Соня написала о нем».

Из эссе тринадцатилетней Сони Шаталовой:

«Я знала маленького мальчика. Он был очень большой. Он не мог говорить и не шевелился, и ему часто было очень больно. Но у него был талант молитвы, и как он молился! Его мама так сильно любила его, и папа любил, они давали ему столько энергии, что он развил свой молитвенный талант до необыкновенной высоты и красоты. Вот пример реализации и востребованности таланта в тяжелейших условиях, вот что делает умная любящая среда! А ведь его маму многие называли несчастной».

Умная и любящая среда! Кому из нас она не нужна...

*Мне почему-то очень надо
Стекло бордовое заката
В оранжевое утро превратить.
Своею радостью окрасить
Дома, заборы
Плачем и слезами
Омыть все окна и дороги.
Весь мусор жизни
Мощным током крови
Снести и в своем сердце сжечь.
И это все не жертва, нет.
А просто помощь заблудившемуся миру.*

Сколько есть на свете слов, из которых выселены люди. А у Сони слова наполнены людьми и Богом.

*...Мне больно! Господи, ты слышишь?
Больно!
Как долго длится немота!
Как бесконечен океан молчанья!
И вот уже и вольно и невольно
Забралась в душу немота.
Устала ждать. И на свободу
Из плена черепа слова устали рваться.
Тоска диктует сердцу непогоду.
Но неужели я готова мраку сдаться?
Принять в судьбу, найти в нем позитив,
Жить, в мелодраму бурю обратив...
Ну, нет, спасибо!
Господи, ты слышишь?
Я боль перетерплю, я человек, не зверь.
И голос мой тюрьмы разрушит крышу
И в полновзвучный мир откроется мне дверь.*

С мамой

Это стихотворение написано 31 декабря 2005 года. Соне – 12 лет.

Едва Соня начала сочинять стихи и их стали со всех сторон усиленно хвалить, она вдруг написала, восемь лет ей всего было:

*...Мне вскоре радость надоела
От похвалы моих стихов.
Я жду не слов, мне нужно дело –
Молитвы дело и трудов.*

В десять лет Соня написала такую записку:

«Мышление вовсе не так жестко связано со звуковой речью. Стихи мои читают, и они влияют на людей, хоть я молчу. А значит, я говорю и помогаю».

Зоя Ерошок

Сбербанк России
БИК 044525225
ИНН 7707083893
КПП 775003035
ОКАТО 45286580000
К/с 30101 810 4 0000 0000 225
в ОПЕРУ МГТУ Банка России
Шаталова Евгения Николаевна
Счет 40817810738121711801
карточка 67628038 8282648135

или перевод на счет Альфа-Банка:

ОАО «АЛЬФА-БАНК» г. Москва
БИК 044525593
ИНН 7728168971
Шаталова Евгения Николаевна
счет 40817810704140015303

Эта информация – для тех, кто захочет помочь Соне.

Вы также можете написать ее маме, Евгении: shatalova.ew@yandex.ru

Всем – огромное спасибо!

Ирина Ушакова

Здесь не запрещают верить в Бога, и в этом весь секрет

Есть в Ярославской области обыкновенное село Ивановское, а в нем – необыкновенное учебное заведение, именуемое Школа на Лехте. Откуда взялось это название – неведомо даже директору. Да не в том суть. Важно, что школа эта может служить примером для подражания, хотя и находится в сугубой российской глубинке, далеко от высоколобых научных и методических центров. А может, это-то как раз и хорошо, кто знает?..

...именуемое Школа на Лехте

Школа была основана в 1861 году, как раз с отменой крепостного права. Ее первый заведующий – Александр Елоховский – позже был рукоположен в диакона, служил в Троицкой церкви села Губочево Угличского уезда в 1918 году, когда принял мученическую смерть. В 2000-м – прославлен в лике святых Русской Православной Церкви. Три дочери священника Николая Розова, который в 1877 году освящал здание школы, с 1890-х годов более полувека проработали там учителями. Не отсюда ли тот дух нравственной чистоты и стойкости, который не выветрился даже за годы советского наробраза?

Нынешний директор переехал с семьей в Ивановское из Москвы, что само по себе явление не из рядовых. Тогда, в 1990 году, в школе было 62 ученика. Сегодня – 185 детей, и к тому же большой конкурс. Сам Владимир Сергеевич Мартышин родом с Новгородской земли, известный журналист, член Союза писателей России, отмечен премией Гиляровского. До переезда работал в журнале «Москва». Жена – Татьяна Викторовна – филолог, специалист по финскому языку. За последние семь лет в село и окружающие его деревни со всех уголков страны и из ближнего зарубежья перебралось свыше

250 человек, то есть более полусотни семей, в том числе и учительских. Все – отменные профессионалы, с образованием и опытом. Педагоги сами построили в селе храм по образцам XVII века на месте уничтоженного в хрущевское время. Это в общих чертах о коллективе.

Читателям журнала должно быть знакомо имя выдающегося русского педагога-просветителя Сергея Александровича Рачинского (1833–1902). Публикация, связанная с ним, была в прошлогоднем шестом номере «Лампады». Знает Рачинского и В.С. Мартышин. Причем не просто знает, а многое из его методики применяет у себя в школе. Ибо, как сам признается, это единственно верный путь обучения детей, и ничего лучшего для устройства русской школы придумать невозможно.

Мартышин разработал и ввел в практику концепцию целостного развития школьников, которая включает в себя, наряду со стандартными, и ряд авторских педагогических программ. «Часто приходится слышать, что главная цель школы – социализация учеников, воспитание в них успешности, – говорит Владимир Мартышин. – Иными словами, педагоги стремятся развить в детях умение приспосабливаться к обстоятельствам. А мы счи-

таем, что нужно совсем другое: развивать в ребенке силы добра». В этом, собственно, и заключен смысл понятия *целостность*, то есть воспитание *цельной* личности.

Школа, в общем-то, обычная, общеобразовательная. Но углубленно преподают в ней не те предметы, которые нужны для поступления в престижный вуз, а те, которые создают почву для здоровой духовной жизни, полноценную картину мира, целостное эстетическое развитие. Духовная культура, о всеобщем дефиците которой сегодня не вопиет только ленивый, здесь органично входит в атмосферу, в дыхание школьной жизни.

Сказанное может показаться общими фразами. Но вот его конкретное наполнение. Дети изучают риторику и каллиграфию, живопись, музыку, хореографию. Особая роль отведена церковнославянскому языку. «Словенский язык, – писал С.А. Рачинский, – имеет преимущество над русским, над латинским, над греческим и надо всеми возможными языками, имеющими азбуку, потому что на нем нет ни одной книги вредной, ни одной бесполезной, не могущей усилить веру, очистить нравственность народа, укрепить связи его семейных, общественных и государственных отношений».

Едва ли не основной предмет, который преподается все десять лет, – «Отечественное». Название, откровенно говоря, не очень удобопроизносимое, но емкое и точное по сути. Переходя из класса в класс, дети постепенно изучают: времена года и природные явления; в рамках курса «Моя семья, село, деревня» – этнографию, географию, словесность, фольклор; далее изучение охватывает Борисоглебск и другие волости с их историей, промыслами, культурой, Ростовский уезд, Ярославскую губернию – с их этнографией, промышленностью, экономикой; затем местная история переходит во всероссийскую и мировую. Здесь преподают «Историю Борисоглебского края в лицах» – от Святогора до Федора Абрамова; «Народный календарь и фенологию», «Мир русской деревни», «Сеятели и хранители» – курс, посвященный русским ученым, которые внесли значительный вклад в науку земледелия и лесоводство России. И заканчивается предмет 34-часовым курсом «Русский народ. Основы самосознания», где рассказывается о характере народа, об укладе русской жизни, о национальных традициях.

Плотно? Весьма. Но – удивительное дело! – ни жалоб на переутомление, ни стремления манкировать занятиями, ни нареканий от родителей на то, что «мучают детей». Секрет прост. То, чему учит Школа на Лехте, настолько отвечает стремлениям незамутненной души, что и тяжкий труд учения не в тягость. Так, шаг за шагом, от простого к сложному ведет своих подопечных коллектив учителей во главе с директором. «Добро-толюбие» знакомит детей с понятиями добра и зла, милосердия, сострадания, любви, честности, послушания, бесстрашия и других добродетелей; раздел «Родительский дом» – это изучение основ семьи, благочестивого устройства семейной жизни, заучивание пословиц и поговорок о семье; «Моя первая Библия» – уже ступенька к постижению начал духовности наших предков. Затем – церковная жизнь народа, нравственные законы, которыми руководствовало общество, понимание предками основ религии, заповедей. Когда позади и эти высоты, наступает черед «Достопамятных людей России» от Владимира-крестителя и Ильи Муромца, Ломоносова и Суворова до Столыпина и маршала Жукова. А названия курсов «Училище благочестия», «Духовные традиции русской семьи», «Порядок жизни», «Стержень духовной жизни», «Создание духовно-нравственной атмосферы», «Нравственные устои семьи», «Знаменитые русские семьи» говорят сами за себя, и в наше время, когда массовая культура направлена на разрушение семьи, вклад Ивановской школы в укрепление фундамента жизни особенно актуален и ценен.

Выходя за порог школы, ученики уносят с собой знание русской духовной литературы – трудов Иосифа Волоцкого, Нила Сорского, Тихона Задонского, Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, Иоанна Кронштадтского, отцов «Добро-толюбия» Антония Великого, Ефрема Сириянина, Иоанна Лествичника, Макария Великого...

Школа на Лехте – это, разумеется, не только учебный процесс, однако и здесь «не как у всех». Для 185 учеников – более двадцати бесплатных кружков: пение, игра на фортепиано, скрипке, гитаре, флейте, старинных инструментах, классические танцы, театральное мастерство, лепка, шитье... Старшеклассницы посещают курсы сестер милосердия. А практикой для них стал уход за пожилыми односельчанами.

Директор школы В.С. Мартышин и епископ Рыбинский и Угличский Вениамин

Именно потому, что учебный процесс здесь органично соединен с внеклассной работой, жизнь детей естественно вписывается в масштабные проекты. Вот уже пять лет вся школа периодически «погружается» в разные исторические эпохи: примерно раз в полгода в течение 10–14 дней все словно живут в ином времени, от князя Владимира до блокадного Ленинграда: уроки сменяются спектаклями, ассамблеи и балы – битвами и сражениями, военные советы – судами над лжедмитриями, дискуссии – философскими размышлениями, научные доклады – просмотрами фильмов... Все это затем описывается в школьной газете «Ивановский вестник», которая выходит тиражом в 600 экземпляров.

Стали традицией «Романовские балы» – по аналогии с теми, что давались в императорских дворцах и где участвовали представители всех народностей, которые входили в Российскую Империю. Дети сами шьют нарядные одежды XVIII–XIX веков и национальные костюмы белорусов, украинцев, грузин, татар, разучивают и представляют зрителям их танцы. «К сожалению, у нас мало природного чувства любви к родине! – сетует В.С. Мартышин. – И теперь все растроченное приходится собирать по крупицам, восстанавливать жизнь, наполнять ее духовным содержанием».

Предвижу вопрос: как же пресловутая «проблема межэтнических отношений»? Школа-то русская. «За двадцать лет школу окончили ребята многих национальностей: таджики, чеченцы, казахи, – говорит директор, – они все посещали уроки добротолубия и отечествоведения, всем интересно узнать, чем и как жил русский народ. Заставить верить в Бога никого нельзя. Но все,

кто вливается в этот поток, чувствуют себя свободно».

Да, здесь не заставляют, но – главное! – не мешают. Директор уверен: «Нужно создать такую обстановку в школе, которая не запрещает верить в Бога». Родители пишут заявления, о том, чтобы их детям разрешили совершать утреннее и вечернее правила, с молитвой садиться за стол, посещать богослужения. В пост в школьной столовой готовят три вида блюд: строгое постное, нестрогое и скромное, для невоцерковленных детей. В отличие от других светских школ, здесь уважают права верующего ребенка.

Вместе с братией Борисоглебского монастыря, наместник которого игумен Иоанн – многолетний духовник школы, дети благоустроили святой источник, вырытый преподобным Иринархом, участвуют в поисковых экспедициях под Старой Руссой, где уже нашли останки 340 советских солдат. Их силами пятнадцать лет назад был поставлен первый из 70 (на сегодняшний день) крестов – в память о местах сражений, захоронений, исчезнувших деревнях, разрушенных храмах.

Не без участия ивановцев организуется вот уже 15 лет Иринарховский крестный ход. Благодаря стараниям учителей школы Борисоглебск украсили четыре памятника: Пересвету, Иринарху, Дмитрию Пожарскому и Скопину-Шуйскому. Поэтому история для ивановских детей – живая, говорящая, близкая. «В школах ведь изучают войны и революции. А мы объясняем, что помогало нашим предкам побеждать», – говорит Владимир Сергеевич. – Ивановская школа вместе с монастырем стоит у истоков Всероссийских Иринарховских чтений, которые в нынешнем году прошли в 14-й раз. В следующем – в рамках Чтений готовится празднование тысячелетия подвига святых князей Бориса и Глеба и тысячелетие памяти святого князя Владимира.

Как же эти «нестандартные», полноценные дети вписываются в сегодняшний противоречивый и изломанный мир? «Морально укрепить молодежь вовсе не трудно, – говорит Владимир Мартышин. – Если ваши собственные устои – не фарисейство, а твердая и честная позиция – вам даже подражать станут. Молодежь уважает силу. А за нами стоит огромная сила – тысячелетняя русская традиция. Куда же против нее?».

*Село Ивановское,
Ярославская область*

Вера Кострова

Как себя самого... Способны ли мы возлюбить ближнего?

Вопрос отнюдь не праздный. Особенно сегодня, когда личное пространство, удобства и комфорт многие наши соотечественники стали ценить выше всего. Конечно, если спросить, допустим, педагогов, могут ли они пройти равнодушно мимо плачущего или страдающего ребенка, то ответ, разумеется, будет отрицательным. Эти люди, я уверена абсолютно, всегда стараются помочь, утешить, найти способ решить проблему. Но у каждого участия есть предел. Чаще всего отзывчивый взрослый, ставший очевидцем детско-

го (точнее, недетского) горя, старается подключить к ситуации «компетентные органы» – государственные структуры или общественные организации, занимающиеся заботой и призреванием. Совесть при этом не бунтует. «Я сделал что *должно*. Не могу же я бросить свои дела и опекать чужого ребенка? У меня и права на это нет», – так или примерно так успокаивает себя подавляющее большинство сердобольных. Немногие отслеживают дальнейшую судьбу ребенка, единицы продолжают участвовать в его жизни. Курируют,

помогают, становятся ему самыми близкими.

Быть участливым в течение нескольких минут несложно. Стать близким человеком первому встречному, пусть даже ребенку, – совсем другое дело. На это требуются нечеловеческие силы. Душевные и физические. Ежедневный и ежечасный труд. Спросите себя: сможете ли вы ради чужого ребенка, при наличии собственных, жертвовать временем, комфортом, привычками? Не раз в неделю, а каждый день? Я не смогу – говорю честно. Думаю, что на это способны далеко не все. Таких одна моя знакомая называет людьми далекого будущего – будущего, в котором будут цениться не виллы, евроремонт и автомобили, а доброе сердце, взаимопомощь и участие. Мы точно не доживем до этих времен – хочется верить, что доживут наши правнуки. Но отраднo, что весточки из далекого будущего мы иногда все-таки получаем. А иначе грядущее казалось бы нам совершенно беспросветным.

К чему я пишу такое длинное вступление? Совсем недавно хорошие друзья рассказали мне об одной семье, которая живет по евангельским законам – любит ближнего как себя самого и со спокойным сердцем отдает другому последнюю рубашку. Я не поверила. Мне очень хотелось верить в существование нижегородской матери Терезы, но жизненный опыт буквально кричал: «Не может быть!». И только когда я познакомилась с этой семьей, увидела все своими глазами, мой «опыт» замолчал. И теперь хочу об увиденном рассказать. Конечно, повторить подвиг семьи Медко-Фалиных вряд ли кто сможет, но вдруг ее пример кого-то вдохновит?..

Татьяна, всего 34 года. Глава семьи. Несомненный лидер, главный двигатель большого семейного корабля. Себя называет человеком с активной жизненной позицией. По профессии журналист, много лет проработала в газете Нижегородской епархии, была администратором ее сайта. Весной этого года сменила работу на более оплачиваемую (семье нужны деньги). Помимо работы, многочисленных забот о чадах и домочадцах, у Татьяны есть добровольно взятые на

Такая простая счастливая жизнь

себя обязательства. Еженедельно вместе с группой «Тюремное служение», организованной при епархии, выезжает в колонию к осужденным, где для желающих проводит занятия по основам Православия, знакомит взрослых преступников со Священным Писанием. Ежемесячно группа «Тюремное служение» выезжает в другие колонии, женские и для несовершеннолетних, где встречается с осужденными и помогает им в личных проблемах. А они, как правило, связаны с тем, что «там» остались дети, родители, реже – мужья. Как сохранить семью? Как не потерять доверие близких и тем более детей?

Артем – супруг Татьяны, надежный тыл и сильное плечо, на которое всегда можно опереться. Ему 37 лет. Он фотограф, довольно известный в профессиональной среде, сотрудничает со многими изданиями, как нижегородскими, так и сетевыми. Мастер на все руки. Мебель в квартире, в том числе и две двухъярусные кровати, сделаны его руками.

Ирина Анатольевна – мама Татьяны, по профессии инженер, много лет работала на Водоканале, сейчас на пенсии, первая помощница Татьяны, золотые руки и доброе сердце семьи. Без ее участия многих благих дел не удалось бы совершить.

Светлана Артемьевна – дочь, в этом году окончила школу, поступила в педагогический на дефектолога-психолога, поддерживает и одобряет все мамнины начинания.

Алексей Артемьевич – сын, нынешним летом поступил в Речное училище на судового механика, высшее образование получит потом. Алексей в одной упряжке со всеми остальными, охотно помогает всем членам большой семьи.

Анастасия, Лена и Дима – родные между собой сестры и брат – появились в семье Фалиных не сразу. Первой была Настя. Татьяна встретила ее на улице. Насте было десять лет, она сбежала из приюта, куда ее забрали органы опеки, и хотела вернуться к маме. Татьяна решила ее проводить. Так состоялось первое знакомство с девочкой и ее родной семьей. А потом само сложилось так, что постепенно Фалины стали самыми близкими людьми девочки, и она все больше и больше времени проводила у них дома. Квартира, к слову, – типовая «трешка» в типовой девятиэтажке. Давно ждет ремонта.

Такая простая счастливая жизнь

Вначале Анастасия просто жила у Фалиных, как, бывает, гостят. Ее мать, имевшую, кроме Насти, еще троих детей, родительских прав не лишали, хотя органы опеки много раз угрожали этим. Стараясь хоть как-то сохранить семью, периодически на время забирали детей в приют, давая матери возможность поступить на работу и начать нормальную жизнь. Но та все не начинала, и дети, пока были с ней, навидались много того, чего видеть бы не надо никому, даже взрослому.

Насте, конечно, несравненно лучше было у Фалиных, где взрослые улыбались, играли и шутили с детьми, где все друг о друге заботились, где всегда была горячая еда и чистые простыни. Девочка, конечно же, навещала сестру и младшего брата, но долго оставаться в доме матери уже не могла. Вскоре за младшей сестрой к Фалиным пришла и старшая – Лена. Сначала просто пришла посмотреть, где живет Настя, а потом стала задерживаться все чаще да так однажды и осталась. Уход помощницы и няньки маленького Димы непутевую мамашу возмутил. Она пожаловалась в органы опеки и в школу, где учились девочки. Для Фалиных началось трудное время. Их стали постоянно инспектировать. Проверяющие от роно и школьные учителя могли нагрянуть в квартиру без предупреждения в любое время дня и даже поздно вечером. Но придрататься было не к чему – Настя и Лена были ве-

сели, сыты, обихожены и откровенно не хотели возвращаться домой. И в приют тоже не хотели – детей можно понять. Проверка семьи на порядочность закончилась в сентябре. Когда дети пришли в школу здоровыми, чистыми и настроенными на учебу, «заботливые» взрослые поняли, что ничего плохого детям не грозит, и успокоились.

Зато Фалины неожиданно столкнулись с крайне недоброжелательным и ничем не объяснимым отношением соседей. Если с органами опеки, настроенными вначале настороженно, отношения вскоре наладились, то от досужих сплетников семья вынуждена была защищать себя и детей почти два года.

Однако жизнь этой удивительной, стихийно возникшей приемной семьи все равно нельзя было назвать безоблачной. Дело в том, что мать, как известно, не была лишена родительских прав. Она постоянно говорила органам опеки о своей любви к детям и о желании исправиться, и потому считалась «не совсем безнадежной». Когда супруги Фалины встретились с Анастасией, они были еще слишком молоды для опекуна: Татьяне – 23 года, Артему – 26. Плюс к тому свои маленькие дети, стесненные квартирные условия (жили с родителями), отсутствие постоянного заработка. Артем, правда, не сидел сложа руки, все время где-то подрабатывал, но опекуна, по закону, требовало финансовой стабильности.

А без соответствующего юридического статуса им не полагалась материальная помощь от государства. Но Фалины и не думали об этом. Не до этого было. В семье росло четверо детей, и времени на хождения по инстанциям просто не оставалось.

А через четыре года после описанных событий представители органов опеки сами пришли к Фалиным и попросили принять к себе младшего брата девочек, Диму. Мать к этому времени все-таки лишили родительских прав, а разлучать родных братьев и сестер было запрещено. Так у Фалиных появился первый «законный» приемный ребенок. Татьяна вспоминает, что мальчик был трудный, имел проблемы со здоровьем. Тяжелые эмоциональные травмы нужно было лечить терпеливо и последовательно. Этим и занимались несколько лет. И, надо сказать, весьма успешно. Сегодня у Димы нет и следа запущенности и какого-либо отставания. Он радуется приемных родителей. Сейчас он уже начал работать. Есть собственное жилье, но он часто живет в приемной семье.

Проще всего оказалось с Леной, старшей из детей. Хотя она, как и Настя, училась в коррекционной школе, Фалиным сразу стало понятно, что девочка попала туда по ошибке. С ней некому было заниматься, она пошла в школу неподготовленной, но это было не отставание, а результат педагогической запущенности. Оказавшись в здоровой интеллектуальной среде, Лена быстро догнала своих сверстников, по окончании 9 класса коррекционной школы училась в обычной, где и получила аттестат о полном среднем образовании. Сейчас учится в профессиональном колледже. У Лены все хорошо. Она замужем, причем очень удачно. Живут молодые отдельно. У них уже двое детей. Младший родился два месяца назад, роды были настолько скоротечными, что неотложка не успела приехать и роды принимала бабушка, Ирина Анатольевна. По ее признанию, она очень волновалась, но все прошло удачно. И мама, и младенец живы и здоровы. Старший сын Лены, Мишенька, часто

Редкие минуты, когда вдвоем

бывает у своих приемных бабушки и дедушки. Сидеть с ним достается всем, и Алексею со Светой тоже.

Но это далеко не все дети, которых опекает семья Татьяны. Несколько лет назад Артем узнал о том, что у него есть единокровные младшие братья в другом городе (отец Артема, уйдя из семьи, жил там несколько лет). После смерти отца матери было трудно растить их одной, и несколько лет дети жили и воспитывались у Фалиных. В Нижнем же оканчивали школу. Сейчас младший брат в армии, а старший вернулся помогать матери.

А с недавних пор у Фалиных появилась еще и «приходящая дочь». Полторагодовалая Кристина бывает у них три дня в неделю. С ней чаще всего сидит Ирина Анатольевна. У мамы Кристины нет мужа и, соответственно, средств к существованию, но... она встретила Татьяну. Та помогла ей материально (через знакомых по соцсети) и, когда молодая женщина нашла работу, стала, пока мама занята, брать маленькую Кристину к себе.

Помощь кризисным семьям – это тоже одна из постоянных добровольных обязанностей Татьяны. Она убеждена, что в 99 процентах случаев семью можно сохранить. А в том, что сохранить семью – это значит реально помочь детям, она не сомневается. Никто не заменит ребенку родных маму и папу – считает Татьяна и делает все, что возможно и невозможно, чтобы помочь одиноким и брошенным молодым женщинам не отчаиваться и не разочароваться в жизни. У нее это получается.

А еще Татьяна пишет удивительные миниатюры – картинки с натуры, почерпнутые ею из общения с детьми. Они очень интересные и читаются легко. В них много тонких и глубоких наблюдений, они пронизаны любовью к детям, наполнены светом и теплом, так что читать их приятно. Я спросила Татьяну, не хотелось ли ей их опубликовать.

– Когда-нибудь, возможно, на пенсии, займусь этим. Пока совсем некогда. Не хочется отнимать драгоценное время у детей. Есть дела поважнее.

Я спросила Татьяну, не было ли у нее желания, как у многих ее сверстников, хоть немного пожить для себя, насладиться поездкой в дальние страны, без детей полежать на морском берегу?

– Нет, я счастлива тем, что имею. Я и живу для себя, иначе я была бы не я, а кто-то другой.

Фото из архива Фалиных

СКРЕПЫ

*Великое дело – человек,
и драгоценное – человек
милостивый.*

*Святитель
Иоанн Златоуст*

Александра Федорова*

...И по вере твоей пребудет

* * *

Ровный шаг – молитвою построен.
Ровный пульс – но сердце отгорело.
Ровный голос равнодушно скроет
Все, что где-то в глубини наболело.

Светят свечи. Только не согреют!
Тает воск – и рук не обжигает!
Времени не терпится – скорее!
Время суетливо поджидает!..

И молчанье – гордо воцарилось.
И обрывки слов невнятно-схожи...
Но за что же

вновь – такая милость,
Чтоб звенеть и звать Тебя, о Боже?

Звать опять, срывающимся криком,
Звать неистово и долго-долго:
Спеть Тебе о чуде о великом –
Мне бы только, Господи, не смолкнуть...

КАК ПОЛЕ ПЕРЕЙДУ

Памяти Александра Баишачева

Не наделяй меня земной судьбой,
Отняв умение петь и говорить.
Мне не просить о том, чтоб быть с Тобой,
И чтобы просто – быть, и чтоб творить.

Рассвет за гранью мира – мой покой.
Как петь о том, что я иду к концу?
Коль голос на Земле звучит такой –
То как мне петь, завидуя певцу?

Я никудашный воин на войне
Земли и Неба. Слишком я – жива:
Земные губы тянутся ко мне,
Земные руки, звуки и слова.

Но дай мне просто быть – за гранью той,
Поскольку я в Предвечный Свет бреду.
А может, лишь верни мне голос мой,
И проживу – как поле перейду.

* Наш корректор не только профессионал
высокой квалификации, но и пишет прекрас-
ные стихи. Жаль, что нам больше не придется
с ней работать. Храни Господь, Саша, вас и
ваших близких.

ПАРУ СЛОВ

Позволь, насколько можно,
голову склонить.
Позволь хоть пару слов
от сердца мне пропеть
и эту пару слов
алмазно огранить,
и в памяти своей
навечно сохранить.
И за всю жизнь свою
исполнить их, успеть,
и все, что предстоит мне, претерпеть.

И беспокойных снов
не помнишь по утрам,
и твердость сохранять,
коль совращает враг,
и с этой твердостью
входить наутро в храм.
Прощения просить,
когда приснится срам,
подобный буйству оргий
и безумью драк,
когда в моей душе безбожный мрак.

Благодарю Тебя –
я снова родилась.
Позволь мне стать Твоей,
не помня о себе.
Когда, казалось бы,
вся жизнь не удалась,
но новая звезда
нежданная зажглась –
позволь мне не грустить
о собственной судьбе
и дерзостно поднять глаза к Тебе.

* * *

Я услышала Слово – но как мне его
донести?
Как, всем сердцем поверив и всей
глубиной любя,
В этом каменном сердце Тебя наконец
обрести,
Светлой болью болеть и гореть, призывая
Тебя?

Я молчу. Может быть, потому, что любви
не имею.
Или, может быть, вера без доброго дела
пуста.
Я достойно сказать не могу – а молчать
не умею,
И бездумные строки бегут по простору
листа.

В каждом искреннем слове поэта
рождается Бог.
В каждой сильной, прекрасной и чистой
душе – торжество.
А бессильным возможен лишь тихий
молитвенный вздох –
И тогда, вострепнувшись, восславят Твое
Рождество.

Лишь на миг славословье утихнет –
но снова и снова
Припаду в своем сердце к явленному лику
Христа.

Сердце чисто созижди во мне –
я услышала Слово!
И бездумные строки бегут по простору
листа.

О ЧУДЕ

Как рассказывают о чуде?
Лишь молитвенными словами.
Повествуют о счастье люди –
Преклоненными головами.

Кто-то мерой земною мерит,
Будто чуду нет в мире места.
Он не видел, и он не верит,
И не ищет он доброй вести.

Ты же, ищущий беспокойно,
Если сердце забилося в узах,
Дар Господень прими достойно,
И, уверовав, сердцем узришь.

И по вере твоей пребудет,
По великому дарованью.
Как рассказывают о чуде?
Лишь молитвенными словами.

Не доверяйтесь Интернету!

В прошлом номере «Лампады» была опубликована беседа с известным русским поэтом Юрием Кублановским, и мы, желая преподнести автору сюрприз, решили сопроводить публикацию его стихами. И «преподнесли»...

Поисковая система Яндекс бодро выдала, в частности, недавний цикл стихов «Поздние стансы». «Сюрпризы» Интернета давно ни для кого не секрет, но чтобы напороться на такое!.. Перу Юрия Михайловича оказались принадлежащими только... два из отобранных нами стихотворений, да и те из ранних его работ. Остальные написаны, кстати, очень хорошо, другими авторами, о чем Интернет

скромно умолчал (вскоре этот сайт почему-то оказался заблокирован).

Мы приносим извинения всем – прежде всего Юрию Михайловичу за то, что невольно выставили его чуть ли не плагиатором, Марине Ватутиной и Виктору Куллэ, которых, получается, лишили их законного авторства, читателям, введенным нами в заблуждение. От анонимной «всемирной паутины» ждать извинений, как вы понимаете, дело пустое.

Пусть это будет уроком не только нам: не доверяйтесь Интернету! А если все же пользуетесь, проверяйте и перепроверяйте, не ленись. Чтобы потом не жалеть, не краснеть и не осуждать никого.

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайте

www.znamenie-hovrino.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

**НА 2015 ГОД ВЫПИСАТЬ «ЛАМПАДУ» МОЖНО
ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ. ЭТО И ПРОЩЕ,
И ДЕШЕВЛЕ. КАК ПОДПИСАТЬСЯ – ЧИТАЙТЕ
НА ВТОРОЙ СТРАНИЦЕ ЖУРНАЛА**

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	свт. Климента, папы Римского
св. мц. Татианы при МГУ	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья
Воскресения Христова в Сокольниках	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря	Всех святых во Всехсвятском
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве	Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Преображения Господня в Тушине
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря	Прп. Сергия Радонежского в Бусинове
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Троицы Живоначальной в Хорошеве	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хохлах	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	Воскресения Христова в Кадашах
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
царевича Димитрия при Голицынской больнице	прп. Сергия Радонежского
Троицы Живоначальной в Останкине	в Крапивниках
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	

ISSN 2225-0271

